

Глава. ИЗ ЖИЗНИ МОИХ ПРЕДКОВ
(страницы книги «Родительская память», издана в 2005 г.)

*Над крышей – тихий звездный дождь.
Пора бы спать, чего ты ждешь?..
А память все в виски стучится,
в мир детства – крохотный, лучистый.
Шумит за изгородью речка
да коростель в лугах поет...
Взошла луна, ее колечко
на сеновал ко мне плывет.*

ПРЕДЫСТОРИЯ

В 1958 году, работая инструктором в Обкоме профсоюзов госторговли и потребкооперации в г.Тюмени, я срочно вылетел на Север области, в село Кондинское. (это на территории знаменитых кондинских болот, куда были сосланы тысячи людей при сталинском режиме). Очень заболел мой дедушка, Зензин Павел Абрамович, высланный туда после раскулачивания еще в 1937 году. Прилетел, просидел около недели у кровати очень больного деда. От нечего делать, просмотрел его богатый плотницкий инвентарь, и в той же кладовке обнаружил тяжёлый кованный сундук, который от старости уже наполовину рассыпался. И странно - внутри его было несколько старинных церковных книг, от которых тоже осталась почти труха. Моё внимание привлекла толстая тетрадь-папка с кожаным переплётом, составленная из отдельных жёлтых листиков разного размера и формы. Они все потрескались, раскрошились, но местами сохранились чёткие строчки. Я показал тетрадь деду, он слабо улыбнулся и важно произнёс: *«Это наша фамильная «Родительская память», вот на первом листе есть такая надпись. Её передал мне мой дед, а ему - прадед. В общем - она из древних веков. Я её немного изучал, кое-что дописал сам... Возьми её себе на память, может и пригодиться...»*.

Несколько раз за проведённые в Кондинске дни я брал в руки тетрадь, пробовал читать, но старо-славянский язык, пропущенные (выцветшие) места почти не давали информации от прочитанного.

Я забрал тетрадь с собой в Тюмень, и когда пришёл в краеведческий музей, нашел сотрудника, который очень хорошо знал старый славянский язык. Заплатил ему деньги и он перевёл и записал мне десятки старинных документальных сведений. Просил меня передать в дар музея тетрадь «Родительскую память», но я отказал, сказав, что напишу историческую повесть, используя её данные.

Что и через несколько лет и сделал. Но для этого мне пришлось изрядно изучать историю Сибири того времени, несколько раз я ездил в командировки в Тобольск (изучал Тобольскую крепость) и в г. Тару, где просматривал старинные архивные документы. Но из-за отсутствием иногда нужного материала, неразборчивых страниц тетрадки, кое-где кое-что дополнил из Омского областного архива. А, например, стихи многие переделал, сохраняя их смысл. Слишком они были короткими и неясными.

х х х

Книгу я закончил править и дорабатывать только в 1966 году, а в 1968 году в издательстве «Наука» вышло пятитомное издание «История Сибири». Внимательно просмотрев содержимое томов, обнаружил много интересных фактов. И - разочаровался. Я-то думал, работая над родительской летописью, что пишу страницы неизведанной истории Сибири. А на самом деле многое из написанного мною, уже было известно из других исторических источников, о чем сообщалось, например, в первом томе на стр. 367.

«...Русские поморы и землепроходцы с конца 11-го века начали своё знакомство с Зауральем... Жители Новгородской Земли «сквозь дремучие леса проложили себе путь в Сибирь». Русские литературные памятники (летописи «Сказания о человецех незнаемых в Восточной стране») упоминают в Северном Зауралье «полунощные страны», где живёт «самоядь», Югру с угорским населением...

По путям, проложенным мореходами и землепроходцами, новгородские феодалы направляли вооружённые отряды для сбора пушینیны с местного населения. Уже со второй половины 11-го века Югорская Земля и Зауралье официально считались одной из «волоостей» Великого Новгорода.

Пушынские богатства Зауралья привлекали внимание феодалов других русских земель. Между Новгородской республикой и князьями северо-восточных княжеств развернулась длительная борьба за новые земли за Уралом. У устья реки Юга на пути новгородцев в Печорскую и Югорскую земли ростовские князья в 1218 году основали городок Устюг, сыгравший важную роль в этой борьбе. Из Устюга стали совершаться набеги на новгородских сборщиков печорской и югорской дани. Новгородские бояре для борьбы с конкурентами объединились в особую торговую корпорацию, известную под названием «югорцины»...

После Яжелбицкого договора (1456 г.) между Новгородской республикой и московским великим князем походы новгородских феодалов в Югорские земли прекратились. Прибирая к своим рукам «волоости» Великого Новгорода, правительство Ивана III распорядилось об отправке отряда ратных людей в Югорскую Землю. Организация похода была поручена устюжанину Василию Скрябе.. Сформированный в Устюге из добровольцев (хотяжих людей) отряд отправился в путь 9 мая 1465 года. В результате похода два угорских князя Калтик и Течек приняли русское подданство; на правах «пожалования» со стороны сюзерена за ними были оставлены подвластные им ранее угорские группы...

В 1483 году Иван III направляет в Зауралье новый отряд под командой князя Фёдора Курбского Чёрного, чтобы привести в русское подданство новые угорские племена...

В 1499 году следующий мощный отряд из 4 тысяч человек, под командой московских князей двинулся через Уральский хребет по разным направлениям...».

Вот так, уже с 11-го века началось активное освоение русскими людьми просторов Сибири, а учебники по истории до сих пор упрямо утверждают о заселении земель Сибири русскими только после похода Ермака, с конца XVI-го и начала XVII-го веков.

КУПЦЫ ВЕЛИКОГО НОВГОРОДА

В давние века новгородские купцы получали большие прибыли от торговли с западными соседями за счёт продажи им всевозможных мехов. Особенно ценились шкурки соболей и лисиц, привозимых из-за Урала. Так, в VI веке готский историк Иордан отмечал, что из страны Юрги вывозят соболей с чёрным отблеском.

Лаврентьевская летопись сообщает о походе новгородцев в 1096 году на восточные склоны Урала и в Сибирь, в «...полуночные страны», в Югорские земли. Позже Ипатьевская летопись поведала о походах с Ладоги в северные страны, рассказывая как в 1114 году «ещё мужи старики ходили на Юргу и Самоядь...».

Первые купеческие отряды были небольшими, по 10-12 человек, хорошо вооружённые. Да и торговых людей в отряде обычно находилось 2-3 человека, а все остальные – это сильные, смелые воины, способные охранять и защищать купеческие товары.

ПЕРВЫЙ БЛИН - КОМОМ

В один из первых годов XII-го столетия, в первых числах августа, отряд из одиннадцати человек, верхом на лошадях выступил из Новгорода в восточном направлении.

В эти дни в сибирские просторы подкрадывалась золотистая осень. На поля и леса пролилась тихая, тёплая марь солнечных дней...

Ермолай и Митрофан, два купца средних лет, мощного телосложения, с окладистыми бородами, везли разный товар для обмена на меха. Ещё девять человек, молодых и веселых парней, ехали позади купцов, о чём-то оживлённо разговаривая. На каждой лошади поперёк седла лежали небольшие мешки с товаром и едой на время поездки. Через неделю отряд достиг реки Кама и оставил лошадей у одного здешнего землепашца. Далее купцы с парнями на большой ладье с местным рыбаком из племени коми поплыли по речке Чусовая (притоку Камы). Вот здесь-то, на берегах таёжной речки, и планировали купцы закупить меха у охотников - вогулов и остяков.

Но купцов ждало разочарование: по этим местам до них уже прошли несколько купеческих отрядов, забравших, в основном, всю пушнину. А та, что осталась, добыта была летом и имела плохое качество. Да, надо было приехать пораньше...

Кое-как обменяли купцы свои товары, пришлось, помимо пушнины, взять несколько мешков сушёной красной рыбы. Конечно, можно было проплыть дальше, перетащить волоком лодку на другую речку, но для этого требовалось полмесяца времени. Сопровождавшие купцов охранники и слушать не хотели о продлении поездки, да и местный рыбак-проводник, хозяин лодки, наотрез отказался следовать дальше.

Пришлось возвращаться на Каму, садиться на лошадок и двигать домой. Так «не солоно хлебавши» и вернулись полупустые купцы в свой Новгород.

Первые листочки книги «Родительская память», как я уже говорил, от старости трескались, рассыпались. Слова и строчки выцвели и были написаны таким языком, что кое- где мне пришлось лишь отгадывать смысл записей. Вот что мне удалось выписать из первых страниц:

х х х
И отрок смелый лук свой поднимает...
И тетива натянута смертельно...
И наконечник у стрелы блестит...

х х х
Для охоты нет плохой погоды,
в октябре тепла не стоит ждать...
Зверь на лёжке затаился вроде.

х х х
В тумане скрылись птицы, звери.
Не видно солнца, как же быть?...

х х х
Февраль колюч, метут снега...
И засыпают берега...

х х х
На охоте чутьё не теряю -
день и ночь по тропе я иду...

х х х
Ключья снега, гроздь счастья
с веток светят здесь и там...

х х х
Зимний лес наряжен. Всюду
вылеплены звери-чудо.
Это - зайчик над пеньком.
Это - рысь перед прыжком...

х х х
Пламя птицею бьётся в костре,
догорая, трещат дрова.
Ночь кончается, крик на заре.
Слышу дикие я слова?

х х х
А молнии высвечивают дали.
И нет желанья повернуть назад...

х х х
На исходе жизнь. Дни уплывают.
Дорог каждый вздох и каждый миг!
В роще листья сыплются.
Птиц стая
к югу уплывает. Слышу клич...

х х х
Ночь задёрнула снежные шторы.
Иней выбелил ветки осин.
Тишина.
И причудливый шорох
проплывает меж чутких вершин...

х х х
Полночь жуткая звёзды качает.
Как легко мне тайгу понимать!..
Здесь в дремучем, суровом крае
свою долюшку мне сыскать!

На следующий год, учитывая неудачный первый опыт, купцы Митрофан и Ермолай подготовились к походу уже в начале мая. В их многодетных семьях нашлось по одному взрослому сыну, изъявивших желание поехать с отцами в чудовинные края. В середине мая отряд из пятнадцати человек был уже на Каме. На этот раз наняли двух проводников, братьев - вогулов, на двух лодках.

НА РЕЧКЕ ИРБИТ

Май на редкость выдался холодным и дождливым. Иногда выпадал и озимок (снег). Но природа брала своё: постепенно установились ясные солнечные дни.

Проплыв по реке Чусовой в её верховье, купцы нашли ручей-протоку (им этот проход подсказали местные рыбаки-остяки) и по нему выплыли в верховье речки Ирбит. По берегам речки, то там, то тут попадались юрты татар (коренного населения Прииртышья.). Татары, славившиеся большими аулами, воинственные и хорошо вооружённые, к вогулам и остякам, что жили разобщённо, поодиночке, относились надменно, иногда даже собирали с них дань. Оно и понятно: татары составляли подавляющее большинство местного населения, имели ханские дружины и действовали с позиции силы.

Поэтому новгородцы не особенно-то охотно с ними общались. Вот и на этот раз отряд дважды проплывал мимо аулов, не останавливаясь. Татары миролюбиво, с интересом рассматривали проплывающий отряд, а ребятня, выбегая из юрт, махала вдогонку лодкам руками.

Ирбит(название татарское) – очень красивая речка, изобиловавшая рыбой , на своих берегах , в плотных лесах, имела полно всякого зверя. Охотничьи землянки-избы, а кое-где обычные чумы изредка просматривались в густых ветвях прибрежного леса. Охотники - остяки, вогулы и угры - с радостью встречали купеческий отряд. Оно и понятно: сюда, так далеко, редко заходят русские люди. Дружелюбно настроенные охотники за мизерную цену отдавали свои меха. А их была тьма-тьмушая. Купцы Ермолай и Митрофан только успевали набивать ими большие мешки. А их сыновья, Андрон и Прокоп, привезёнными с собой сетями, вылавливали из реки разную рыбу и здесь же, обработав её, вляли на дорогу с собой.

За несколько дней все местные охотники смогли поменять свою пушнину на красивые украшения, дорогое оружие, на ткани и орудия охоты и лова рыбы (сети, капканы, ловушки и прочие приспособления). Через неделю отряд вернулся на Каму, а там - и домой. Невиданные богатства привезли купцы, но не стали особо хвалиться, а припрятали по сундукам. И стали готовиться к следующему походу.

Стихи из книги «Родителска память» я группировал, составляя определённые разделы по разной тематике. На первое место поставил раздел:

ЯЗЫК ПРИРОДЫ

УРМАН

То лиственный лес, а то- хвойный.
Вдоль берега речки- туман.
Сошёлся стеной многоствольной
не- про- хо- ди- мый урман.
На сотню вёрст- нету жилья.
На речке парит польня...

ЗАИМКА

В тайге, на поляне, под старой сосной
сучает избушка- заимка.
Лишь с первой порошей охотник тропой
сюда путь проложит свой зимний...

ЕЛАНЬ

Шёл меж сосен: утра- рань,
с веток капли светят!
Разомкнулся лес –
Елань
раскинулась приветливо.
Полудикая поляна,
тьма цветов, и воздух - пряный!..

ВОЛОК

Путь по речке наш далёк...
Мель - что может хуже?
Волок - значит, поволок
лодку я посуше.
Вновь заторы- то бобры
строят здесь плотины.
Звери умны и хитры,
мы же - горбим спины.

ЗАВОДЬ

Меж талов глубок залив,
ямы в нём, водовороты.
Мрачен остров, молчалив-
вся река за поворотом.
Этот маленький рукав
называют просто: «заводь»...
Мир таинственен, лукав.
Ведьма здесь живёт да дьявол.

ВЁДРО

Ясный, солнечный денёк
светит меж деревьев...
Вёдро - словно огонёк
из наречий древних!

ПАВОДОК

Нынче спорая весна-
паводок на речке...
Синь...
Разливами полна
даль...Ручьи лепечут...

ГНУС

Мы шагаем по тайге,
мошек - тьма, я - гнусь.
В уши, ноздри – и везде
лезет злобный гнус.

БРОД

Из лесных и крутых берегов
речка вырвалась в поле- притихла.
Разделилась на пять ручейков...
По колено идём в них, не дышим.

ВИХРЬ

Разметав камыш с осокой,
заводь рябью принакрыл,
растрепал у ивы локон...
Клубом пыль с дороги сбил.
Ввысь взметнул травинки скопом-
и исчез в прыжке высоком.

ОПОЛЗНИ

Разлилась весной река,
берега подмыла,
и с обрыва- свысока
иву уронила...

БАЛКА

Не то - ручей, не то – речушка?
Я вижу в тальнике протоку.
Поёт камыш, склонясь послушно
к воде прозрачной, синеекой.
Крик птичий слышен отовсюду,
прохлада в ивах пополудни...

ИСТОК

Есть начало у ручья,
у тропинки и у леса.
Жизнь - река, и у меня
предки есть, исток известен.

ПОЛЫНЯ

Лёд вокруг всё толще, звонче-
не сдаётся полынья:
плещется, играет солнцем...
Ах ты, реченька моя!

ИНЕЙ

Утром зимним, ясно-синим
на берёзке выпал иней.
Ветки в белых кружевах
стынут в чистых, долгих снах.
Ветерок пахнул- снежинки
полетели, как пушинки!

ЛОЗА

Вокруг болота, по низине
навстречу плещется в глаза
ветвями тонкими, в мизинец,
такая гибкая лоза...
Когда зимой бушует вьюга-
косулям, зайцам в ней уютно.

ЗАЛОМЫ

Вдоль кромки озера камыш
под снегом лёг в заломы.
Ондатры хатки...
Стукну в тишь-
а вот и всплеск знакомый:
из домика ныряют вниз.
Здесь и зимой продлилась жизнь!

ЗАЙМИЦЕ

Разлилась река по лугу,
где тростник и рогоза.
Утки стайкой, друг за другом,
мечутся.
Гремит гроза...
Я впервые на охоте
в этом займище большом.
Вечер красит позолотой
плёс с высоким камышом.

СОЛОНЕЦ

У болота, в солнцепёке
в белых пятнах луг искрит.
На траве росисто-мокрой
вижу чёткий след копыт.
Соли белые полоски
проступают вдоль болотца,
и косули утром ранним
её лижут со стараньем...

ПРУД

С белой пеной прут ручьи,
Вниз - в овраг - срываясь!
А в овраге - пруд пруди!..
Синь воды сверкает!
ПЕРЕШЕЕК
Между двух озёр - дорожка,
и над ней - берёзок шелест.
Кружит коршун осторожный,
затаился перешеек.
Слева - берег, справа - берег...
Птички коршуну не верят.

ПРЯМИЦА

Разлилась вода весною,
и спрямив речной изгиб,
в русло новое - с волною
мчится лугом, напрямик!..

ЛОЖБИНА

Луг искрит закатом синим.
Воды талые сошлись
по низине на ложбину-
отразилась в водах высь!
Гуси, лебеди на плёсах...
Лодка, сети - капли с вёсел.

НАСТ

В марте- тает...
Злой мороз
ночью так поддаст,
что под утро - стынет нос.
Снег - ледовый наст!
Худо зверям - не пройдёшь,
обдирают ноги в кровь!

ТРЯСИНА

Между кочек - зелень тины
манит покрывалом...
Только встал я на тряси-
ну!- как не бывало!
Оборвался в воду, вниз -
за соломинку держись!

ЗАКРАЙКА

Скатилась талая вода
с увалов в чашу озера.

Враз растопила кромку льда
под берегом берёзовым.
И ивы жёлтые стоят
по грудь в воде.
Горит закат...

ИЗЛУЧИНА

В реке играют солнца лучики,
бежит река за поворот.

Полукольцом искрит излучина,
в ней остров с ивами встаёт.

ГРИВЫ

Из берёз, осин те гривы -
гривы сказочных коней.
Ветер треплет их игриво
посреди родных полей.

Походы за Урал купцы Митрофан и Ермолай совершали ещё много лет подряд. И всегда с ними рядом были их уже повзрослевшие сыновья - Прокоп и Андрон. И вот в последний приезд у слияния рек Ирбит и Тура им повстречалась русская семья, живущая в хорошей рубленой избе. Хозяин и хозяйка и четверо их детей встретили гостей с огромной радостью. Угощали рыбой и дичью, грибами и ягодами, надарили бесплатно всяких мехов. Хозяин был заядлым, удачливым охотником, пришедшим сюда десяток лет назад с невестой. Думали пожить год-два, а вышло так, что остались здесь навсегда.

СЕМЬЯ ОХОТНИКА

С реки открывалась широкая панорама, а сверху светилась бесконечная синь чистого неба. Зелёное море тайги простиралось в неоглядную даль.

Изба располагалась у песчаного берега. Над крышей свисали ветви высоких развесистых берёз. За домом, в сторону тайги, раскинулась большая поляна, на которой виднелись грядки с луком и морковкой, а чуть подалее колосилось небольшое поле с ячменём и полбой (устойчивый сорт пшеницы). Охотник, которого звали Евстафий, показывая своё хозяйство, горделиво кивал на троих сыновей и дочь, говоря, что все дела ведут они с матерью, а он только занимается охотой и рыбалкой. Мария, жена охотника, дородная, светловолосая хозяйка, наставляла на стол всякую еду.

К дому примыкали небольшая баня и хозяйственная пристройка, где жевали сено три козы и два козлёнка. На поляне по траве, громко кудахтая, бегали около десятка кур.

Раскрыв рты от удивления, Прокоп и Андрон восхищённо следили за окружающим их таким знакомым и в то же время непривычным миром лесных жителей. Только одно вызывало чувство досады: одежда на детях была вся в заплатках, на ногах какие-то лапти из лыка. Но подростки, весело разговаривая между собой, смеялись и не замечали никаких неудобств. А отец и мать были одеты в грубые кофты, сотканые из толстых нитей (крапивы или конопля). Зато купцы Ермолай и Митрофан оставили перед отъездом семье охотника всю мануфактуру и даже часть своей запасной одежды.

За эти дни встречались со многими коренными жителями. Вогулы и остяки всегда дружили с русскими охотниками и с удовольствием приносили купцам меха в обмен на товары. Уплывая обратно, люди из купеческого отряда ещё долго махали руками гостеприимной русской семье

ПТИЧЬИ ГОЛОСА

ЧАЙКИ

Весенним, ярким солнцем
обласкана река.
В ней с самого-то донца
всплывают облака.
Вдоль берега - лужайки
с зелёною травой...
На что вы, чайки, жалуетесь,
крича так надо мной?

КОЗОДОЙ

Бекал, плакал козодой
в тальнике полночном.
Тьма казалась мне бедой
в этой мокрой роще.
Отсырел костёр, угас -
словно свет улитки.
За ночь не сомкнуть мне глаз -
я промок до нитки.

ЯСТРЕБ

Ястреб крылья расправил,
над поляной парит.
Смотрит влево и вправо -
спать мышам не велит
Машет крыльями редко...
На мгновенье - завис.
Ясно: что-то приметил -
камнем падает вниз!

ХРОМОЙ КУЛИК

Лес обнажился...
Стынут дали
с поблекшим лугом за рекой.
Хромой кулик, отстав от стаи,
всё кружит, плачет надо мной.
И вот на отмели песчаной,
где в волнах плавится закат,
между камней исчез печально -
сам будто в чём-то виноват...

БЕЛАЯ СОВА.

Ночью белая сова
тоже стала чёрной,
машет крыльями едва -
в луг летит дозором.
Из норы полёвка вышла -
вниз, стремглав сова - на мышку.

ВЕСЕННИЕ СПОРЫ

Вальдшнеп - лесной куличок,
квохчет над тихой поляной.
Красавец, драчун-петушок
кружит в рассвете туманном.

Маховых перьев изгиб
мерцает лучами...
Навстречу
соперник-
бой в ярости сшиб
друг с другом их в споре вечном.

ВЫПЬ

В предутренней дымке, в холодной заре
иду по болоту в большой кочкаре.
Осока, камыш - ветка это иль клюв?..
Бекас вылетает, в сторонке мелькнув.
Но профиль заметный сквозит в камыше:
вот крылья... вот ноги...
И смутно в душе.
Ведь я же охотник - меня ль удивить?..
Всё ближе и ближе - да это же выпь!

ГРАЧИ

Два грача из старых веток
на берёзке строят дом.
Майский день над ними светлый
смотрит солнышком в гнездо...
Кончили...
И чистят перья,
к людям полные доверья!

ДРОЗД

Дрозд-рябинник...
Хитрый дрозд
любит ягоды в мороз.
В ветках снежных утром синим
он клюёт в саду рябину.
Розовеют ягод гроздь-
в них от солнца свет морозный!

КУРОПАТКИ

На заснеженной полянке
там и здесь - повсюду ямки.
Кто в них прячется, живёт?
Вижу крыльев росчерк - взлёт!
Ну, всё ясно: куропатки
спали в них, играли в прятки.

ГОРЛИЦА

Многоцветный веер перьев
с белым пятнышком хвоста...
Различаю меж деревьев
горлицу я у гнезда.
Она кормит своих деток...
Тихо дремлет полдень летний.

СНЕГИРИ

На снегу полоской ярко-алой
высветились грудки снегирей.
Конопля вдоль берега осталась,

и её осыпал суховей.
Пар морозный с полыни слетает,
и белеют дали Иртыша...
Снегири весёлой, дружной стаей
кормятся за кромкой камыша.

ГАЛКА

В тёмной шапочке ворсистой,
с опереньем ярко-чёрным,
как воришка - в гнёзда птичьих
лезешь к деткам безнадзорным...
Ах, проказница ты, галка,
как птенцов чужих не жалко?!

ТУРПАН

Чёрный, словно смоляной,
сел на плёс ко мне весной.
Статный, мощный и красивый,
с алым отсветом бровей-
он плывёт и горделиво
вдаль кричит любви своей.
...С белым зеркальцем на крыльях,
турпан снова мне приснился.

КРЯКВА

В камыше болотистом, густом
светит озерцо- с ладонь, не более.
Кряква плещется - её здесь дом.
Хорошо ей летом на приволье!
Но сегодня первый злой мороз
льдом сковал камыш и озерины.
Клюв у кряквы в инее, замёрз.
Лапки красные ко льду пристыли.

СОЙКИ

Перья - дыбом на головке,
крылья в чёрно-голубом.
Состязаются в сноровке-
расклевать орех вдвоём!
А сегодня, наблюдаю-
их собралась сразу стая.

ГРОЗНЫЙ ГОСТЬ

Коршун, разомлевший от жары,
снизив круг, на старый пенёк садится.
Клюв открыт...
Как искорка грозы,
огонёк в глазах его таится.

Задремал...нахохлился...застыл...
плёнка на глазах...разжались когти...
Птицы, наблюдая сквозь кусты,
чувствуя подвох, притихли, смолкли.

СКОПА

Небольшой и юркий ястребок,
с чёрною полоской на груди,
мчит от озера, наискосок.
Два стрижа отстали позади.
Вижу когти и добычу в них:
серебрится чешуёй карась.
Просвистел разбойник - смел и лих,
меж деревьев в роще растворясь.

ЛЫСУХА

На речной протоке - глухо,
близко нету ни души.
Тенью лёгкою лысуха

раздвигает камыши.
Чёрная, как смоль, над клювом-
белая пролысина.
Вслед кувшинка шевельнулась,
Разглядеть - немислимо!

СОКОЛ

В небе чистом, синееком
круг за кругом кружит сокол.
Вот стрелой помчался вниз
сокол-голубятник,
птицу над рекой настиг,
сбил- пух вьётся ватой.

ТЕТЕРЕВИНЫЙ ТОК

Ликует лес!...
Ручьи - в лучах зари,
а день назад белели здесь сугробы.
В овраге серебрят вода, журчит,
а почки вербы - золото высшей пробы!
В рассветной дымке, на сырой земле,
два косача, подпрыгнув, с упоеньем
как в бубен бьют, ярятся...
Осмелев,
крылами хлещут, рвутся в наступленье.

По приезде домой сыновья купцов скрытно от них часто о чём-то толковали. Их невесты, раньше не особенно дружившие между собой, стали постоянно встречаться. Четвёрка молодых явно к чему-то готовилась. И вот в мае следующего года сыновья объявили своим родителям, что едут с невестами жить в дальние края. Чего только ни делали родители, особенно матери, но отговорить молодых от поездки не смогли. Тогда все скопом стали готовить всё необходимое в дорогу.

И через полмесяца отряд купцов из двадцати человек уже дружно рубил две избы примерно в километре от дома семьи русского охотника. Наменяв пушинины, купцы с нескрываемой грустью уплыли, оставив любимых сыновей и их невест.

ДВЕ ИЗБЫ НАПРОТИВ

Вечнозелёная тайга раскинулась на многие километры, радуя взгляды пришедших людей. Повсюду трезвонили птицы, в воздухе кружили коришунны.

Избы выселились на взлобке, одна против другой на расстоянии 100 метров. Шли последние майские дни, поэтому срочно перекопали землю, высадили в грядки семена овощей. После этого Андрон и Прокоп начали мастерить пристройки, а невестки наводили порядок в избах. Надо было думать и о продуктах, для чего мужчины наставили в реке мордушки и сети, так что свежая рыба попадала ежедневно. Хлеба и муки отряд оставил им из расчёта до осени. Там купцы обещали навестить молодожёнов.

Быстро пролетело лето, и осенью, как и было обещано, новый купеческий отряд с Митрофаном и Ермолаем прибыл с разными товарами. Но обмена хорошего с местными охотниками не получилось всё по той же причине. Меха начинали заготавливать вогулы и остяки с конца ноября, а старые запасы давно были проданы другим купцам.

Прошла вьюжная зима, наступило тёплое лето. И снова приехали родители-купцы.

И так - за годом год. У молодых в семьях появились первые дети. У Андрона - два сына, у Прокопа - две дочери. Шуток по поводу будущих «женихов и невест» было предостаточно.

Но через несколько лет в семьях добавились ещё и девочки, и мальчики, и места в избах оказалось мало. Пришлось пристраивать к стенам дополнительно комнаты.

У соседа-охотника, что по-прежнему жил неподалёку, уже подросли дети. И родители не на шутку начали поговаривать о предстоящих помолвках, о создании новых семей.

РЫБАК И РЫБКА

ЛЕНОК

Рыба крупная - ленок,
любит на крючке личинок...
Вздрыгнул резко поплавок-
и нырнул в пучину.
Плавно повожу за леску
и тяну, и вот он - с плеском!

У КОСТРА

Озеро в тумане тонет,
стынет синяя вода.
Выпь в болоте тихо стонет,
вздрагивают невода.
Всплеск, круги - то рыба в сети
попадая, бьёт хвостом.
У костра я не заметил-
ночь ушла, светло кругом.

ЁРШ

Сразу и не разберёшь:
то ли окунь, то ли ёрш.
А колючий, словно ёжик,
но в ухе - ни с кем не схожий.
От него такой навар:
раз хлебнёшь - и бросит в жар!

МИНОГИ

Рыба-минога?!
Знают немногие
о ней, в основном, рыбаки.
Она - невидимка, её дороги
от Туры в Иртыш, до Оби.
Я тоже, немного, рыбак-
но её не поймаю никак.

ОКУНЬ

Как красив!
Хвальбы достоин,
любит ключ, в тени - обрыв.
Но прожорлив: в мелкой пойме
поедает молодь рыб.
Красно-сине-полосатый,
плещется драчун усатый!..

ЯЗЬ

В водах чёрного Иртыша
от Оби и до самой Яны
язь резвится, идёт к камышам.
Его много в Чанах, на Зайсане.
Есть он в нашей таёжной речушке.
Язь с подъязком - нет рыбы лучше.

ЛИНЬ

В сеть мою попался лень
на речной протоке.
Скользкий, и попробуй - вынь!?
Хитро смотрит оком.

МУКСУН

Да, хорош у нас в Сибири-
крупный обский наш муксун...
Нагуляв побольше жиру,
с дельты в море прёт табун.
В леденистых, чистых волнах
рыбьим косякам привольно!

РИПУС

Нерестует поздно, в ледостав.
Ест в воде планктон и ветви трав...
Холодолюбив, неприхотлив-
любит Увильд и - большой залив.
Есть у нас он в Ике, на Чанах.
И в озёрах, что лежат в степях.

ЛЕЩ

Рыбы всплеск под удилицем,
И - оборван враз крючок!
...Подвязал второй.
Колышет
снова красный поплавок.
Подсекаю!.. Потянул-
лещ стрелой в воде мелькнул.

НА САЛТАИМЕ

От зари зажглись на плёсах блики.
Хлещут щуки по воде хвостом,
окуньки шарахаются дико
перед близким хищным шучьим ртом.
Снова мощный всплеск, то окунь ярю
у сетей разбрызгал сонный круг...
И кричат плакучие гагары,
и в тумане гложет дальний звук.
...Озеро ночное - Салтаим,
с другом в лодке тихо мы сидим.

Местное население оказалось намного многочисленнее, чем это показалось сначала. Андрон и Прокоп часто общались с ещё одним русским охотником, жившим намного севернее, которого звали Ипатом. Так вот, Ипат рассказал им, что чуть восточнее есть много охотников - угров. А с запада приходят сюда коми, и где-то с юга иногда появляются кимако-кипчайские кочевые племена. Много раз встречал Ипат и таёжников - русских, проживающих на Оби. А татары здесь - самые многочисленные, есть везде - куда ни пойдешь. Они составляют большинство населения, у них большие поселения, есть и ханы, и воинские отряды. Но ближе всего, намного дружелюбнее к русским – это, конечно, вогулы и остяки. Они в этих краях самые лучшие охотники...

ТАТАРСКИЕ АУЛЫ-ЮРТЫ

Промышляя, Андрон и Прокоп уходили далеко на север, встречая не только жилища вогулов и остяков, но и отдельных русских семей. Таких же охотников, как они сами.

Но и всё же встречи с татарами бывали намного чаще других.

Как-то преследуя на охоте лося, Андрон и Прокоп удалились далеко по течению Туры и на берегу неизвестного им притока увидели большой аул.

На его окраине, на зелёной поляне, большая толпа татар (взрослые, дети, старики) кружились в танцах, пели песни. Сразу видно было, что отмечалось какое-то торжество. Одежда на татарах была, в основном, самодельная из ниток крапивы и конопли, но хорошо изготовленная. Правда, на некоторых просматривались богатые вещи. Их украшали различные цепочки и бусы из ярких предметов. Сапожки у женщин выделялись хорошей кожей, у мужчин красовались на ремнях чехлы для кинжалов, необычные пряжки, застёжки.

Увидев рядом русских, татары окружили Андрона и Прокопа, взяли их за руки и, улыбаясь, повели к застолью, расположенному прямо на земле. На грубых скатертях, на полу стояли глиняные сосуды, и была наложена всякая еда. Гостей пригласили отведать угощения. Не понимая татарского языка, кивая в ответ головами и взаимно улыбаясь, Андрон и Прокоп присели к столу.

После трапезы один из старых татар (наверное, глава аула) пригласил их в свою юрту. Большая четырёхугольная хижина состояла из толстых боковых жердей, накрытых шкурами зверей и лошадей. Крыша юрты была двускатной. Земляной пол несколько углублён, в центре находилась цельная каменная печь. По сторонам лежало множество мягких шкур. Андрону и Прокопу татары преподнесли кумыс, подарили красивые, вырезанные из дерева фигурки зверей и лошадей, и проводили до соседнего леса.

Стараясь среди татар быть спокойными, Андрон и Прокоп, только отойдя за ближний лес, начали взволнованно делиться впечатлениями от неожиданной встречи. Их поразила добротная

одежда на мужчинах: меховые шапочки, свитера, сотканые из чистой шерсти, и рубашки, связанные из тончайших ниток крапивы и конопли. На ногах - добротная обувь из кожи, пояса с пряжками из бронзы или железа. Ножи опять же - в кожаных чехлах.

У женщин - разнообразные платья с бусами, с блестящими подвесками. В волосах красовались большие костяные заколки. Никогда и не подумали бы Андрон и Прокоп, что у татар могла быть такая культура во всём. Даже посуда, блюда, ложки - всё из хорошо обожжённой глины и светлого железа.

А ещё, вокруг аула виднелись хлебные поля, в стороне стояли большие загоны для скота. Да, жили татары не бедно.

И неожиданно такое гостеприимство к ним, к незнакомым русским людям.

ЗВЕРИНЫЕ ТРОПЫ

РЫСЬ

Желтовата, в тёмных пятнах,
а с ушей свисает кисть.
Когти длинные на лапах...
Зверь- красавец, это - рысь!

БАРСУК

Белые и чёрные полоски
к носу протянулись от ушей...
Юркнул в норку под кривой берёзой-
я дивлюсь на лабиринт траншей?
Поизрыта вся вокруг поляна.
Свежий грунт.
Вот старая нора...
Как подземный замок!
Очень странно...
Вечереет, мне домой пора.

ВОЛК В МАРТЕ

У волка впалые бока,
шерсть дыбом на загривке,
в глазах два злобных огонька.
Клыки открыты с рыком.
Роня пену с языка,
волк рыщет ночь по насту...
Я слышу вой издали
и знаю: он к несчастью.

ВЫДРА

Настала летняя пора,
стрижи над речкой кружат...
Одна - в воде сквозит нора,
Вторая - здесь, снаружи.
На мелководье, среди камней
ждёт выдра спозаранку
рыбёшек: ловит щук, язей-
их складывает в ямку.
Она - как истинный рыбак:
не нужен мелкий ей чебак.

МЕДВЕДЬ

Перед долгой спячкой зимней
у медведя приступ жора:
ест малину, мёд пчелиный,
на овсах сопит обжора...

Видел я, как на реке
рыбу ел он на песке.

ГОРНОСТАЙ

С чёрным кончиком хвоста,
в шубке снежно-белой
у забора из куста
выпрыгнул он смело.
И ворвался горностаю
в зимний наш курятник:
от куриных шумных стай
пух летел, как вата!..
В два прыжка хитро исчез-
и по огородам
убежал проворно в лес,
спрятавшись в колоде.

ЕНОВИДНАЯ СОБАКА

С серо-бурою окраской,
с бакенбардами на морде.
Зверь на вид лишь не опасен-
лучше нам его не трогать.
Любит зелень сосен, ёлок.
В норке - запах от иголок!

ХОРЁК

Хорь-хорёк, зверь полосатый
кур в проулке стережёт.
Вот сейчас одну он схватит,
в лес с собою унесёт.
А по полю - пух куриный.
Бело-белый, снегом зимним...

ЛЁЖКИ

Зверь не просто отдыхает
где попало - есть места,
это - лёжка: выбирает
плотный лес, кустарник с края,
чтоб трава была густа.

ЛАСКА

С красно- бурою окраской
в поле тихом, на меже
притаилась хитро ласка...
Глупый суслик осмелел.
Только вылез он из норки,
Ласка - хватъ его проворно!

...Да, зверёк пушистый, ласка -
лишь на вид безвреден, ласков.

ВЕПРЬ

Он постарел и бросил стадо,
забыв свиней и поросят.
Один живёт в лесопосадках,
его клыки врагов страшат.
Выходит ночью на кормёжку,
ест жёлуди, дички, овёс...
Он осторожен - днём на лёжке
всегда по ветру держит нос.

КУНИЦА

Жёлтым фартуком гордится,
лазит ловко по ветвям,
если очень разозлится -
худо от неё зверям.
Нападает на зайчишек
и на маленьких козлят...
И порой беда случится я -
если их не защитят.

ЛИСИЦА

Одинокая лисица
в норке у реки живёт.
Длинной ночью ей не спится,
и она на луг идёт.
Запахи ей нос дурманят:
куропаток свежий след
в плотный куст таловый манит...
Виден перьев белый снег.

ЛОГ

Глухариный и медвежий,
рысий, волчий уголок,
где в трущобе воздух свежий,
есть овраг - звериный лог!
Безопасно в нём и тихо.
Вижу: с выводком опять
пробирается волчиха
к логову - в свою кровать.

СТРАШНЫЕ НАПАСТИ

Прошло ещё несколько лет. Поженились, вышли замуж повзрослевшие дети. И стали близкими, родственными старые охотники: Ипат, Андрон, Прокоп и Евстафий. Подумывали о строительстве новых домов для новобрачных. Но здесь неожиданно пришла большая беда.

КРОВНАЯ МЕСТЬ

Поначалу ничто не предвещало беды, русские охотники дружно жили с коренным населением. Но обстановка изменилась...

Дело в том, что отцы, Ермолай и Митрофан, уже несколько лет как померли, вместо них стали приезжать за пушниной разные родственники или даже просто знакомые. Приплывая, как и раньше, на лодках, они останавливались на несколько дней у них и жили, пока не закончится торговля. А здесь, где-то близко на Каме, обосновалось целое семейство купцов (вроде фамилия - Строгоновы) и повело торговлю на широкую ногу. По Волге-реке, на больших стругах-кораблях доставляли на Каму большие партии разных товаров, нанимали первых встречных охочих людей и отправляли их за пушниной. Барыши купцы имели громадные, и, если их кто-то из наёмников даже обманывал, это не мешало их прибыльному делу.

И люди теперь приезжали за пушниной самые разные: и честные, и разбойные, и нечистые на руку. Вот и в том уже году две группы купцов сполли нескольких охотников и забрали бесплатно всю пушнину. Пошли по тайге разные пересуды, а коль купцы-то останавливались у русских охотников, то все обиды и шли на них. И всё бы ничего - просто обида. А полмесяца назад несколько торговцев подпоили зельем семью вогулов, но, когда отбирали у них меха, произошла драка. Вогулы, отец и сын, погибли от ножевых ран, а купцы, не заезжая к русским, смотались сразу домой.

Многие родственные семейства вогулов, собравшись и вооружившись, двинулись к дому Евстафия, так как убийцы останавливались у него. Не найдя их, они со зла подожгли его строения и ушли, пообещав ещё вернуться. Пожар потушить не удалось. Сгорело всё. И семейство Евстафия временно переселилось к Андрону и Прокопу. Но «кровная мсть» продолжалась. Вогулы стали выслеживать возле леса самого Евстафия и его детей, и в один из дней смертельно ранили мальчика отравленной стрелой. После похорон Евстафий твёрдо заявил, что покидает эти места.

ЦВЕТОЧНАЯ ПОЛЯНА

КУВШИНКА

Кувшинка нежно-белая
на старице цветёт
и на листочке-лодочке
качается, плывёт.
Заря слегка румянится
над тихою рекой,
кувшинка, как снежинка,
блестит передо мной.

ПОДСНЕЖНИК

Ещё снега в чащобе непролазной,
ещё позёмка по ночам метёт,
а вот сегодня (я заметил сразу)
цветочек белый меж кустов растёт.
Иду поближе...
Он, гордец-подснежник,
вобрав в себя горячие лучи,
все лепестки раскрыл...
Красивый, нежный
сияет...
А вокруг журчат ручьи.

МАРЬИН КОРЕНЬ

Марьин корень, пион розоватый,
лепестками неслышно дрожит.
Из оврага - из тьмы сыроватой
он на солнышко робко глядит.
Май прошёл, а тепла ещё мало,
но цветок излучает свет алый!

НА ЛУГУ

На лугу меж ивами мерцает
старицы серебряный рукав.
Ряской, камышом он зарастает.
Берег в мягких травах, как в шелках.
Отражаются в воде сонливой
белые, как льдины, облака...
От кувшинок снежный блеск игривый...
Далеко за лесом синь-река.

РОЗАРИЙ

Я люблю не в парках розу-
а шиповник здесь, в лесу.
И терплю его занозы -
в пальцах веточку несущу!

ЛИЛИЯ КУДРЕВАТАЯ

Лилия кудреватая
мне качнулась в лицо,
лепестки её красные
сжались в полукольцо.
Посредине цветочка
копошится пчела...
Оглянулся: тропинка
в хвойный лес привела.

НАДВОДНЫЕ РАСТЕНИЯ

Я брожу вдоль реки,
в ней кувшинки - свечки!
Над водой - рогоз, тростник
и аир с тризубкой.
Дальше - манник, стрелолист,
камышинка дудки...
Корень белый у аира-
он лечебнее эфира.

ГОРИЦВЕТ ВЕСЕННИЙ

Горицвет весенний, жёлтый,
как подснежник, ясно светит...

Травянистым выслан шёлком
влажный луг в начале лета.
Пусть апрель в ночах прохладен,
и в овраге - серый снег,
горицвет, меня порадуй,
подари мне летний свет!

МАЙСКОЕ УТРО

А день восходит, полный синевы!
Пыль солнечная вьётся за ветрами.
На бугорке - зелёный чуб травы.
И бабочка летит к оконной раме.

МЕДОНОСЫ

Май прошёл...
Цветут поляны,
и снуют шмели и осы.
Рядом - пчёлы, дух дурманной!
Это время медоносов.
В каждой маковке цветка
жизнь прекрасна и сладка!

На семейном совете, а он уже состоял из всех членов трёх семейств (готовились свадьбы, и две молодых пары не хотели слушать о какой-либо размолвке), единогласно приняли решение переезжать только вместе. Сообщила и определили маршрут. На Тавде, притоке Тобола, еще раньше сыновьям Андрона и Прокопа понравилось одно местечко-большая берёзовая роща и посреди неё поляна.

Начали готовиться. Основной груз надо было везти по воде, и пришлось дополнительно строить ещё одну большую ладью.

Через месяц караван из восьми лодок двинулся в путь. Не успели отплыть и километра, как над их бывшими домами взметнулись клубы дыма. Даже и в этот момент вогулы, запалив их избы, решили напомнить о себе.

По течению быстро доплыли до Тобола, спустились вниз и вошли в Тавду. Прибыв на место, с большим рвением начали рубить срубы и ставить избы. За август и сентябрь собрали пять домов. И женщины, и дети работали рядом со взрослыми. Пять изб встали рядом вдоль леса, с подветренной северной стороны. Лицом, окнами на солнышко, за что и поселение потом прозвали Солнечным.

ЖИЗНЬ В СОЛНЕЧНОМ

Чередой помчались годы. На прибрежном кладбище похоронили престарелых основателей семейств, народились новые дети, еще поженились пять пар. Пришлось ставить дома напротив, и получилась широкая зелёная улица. Родственники - купцы, по-прежнему, навещали охотников, но уже не приглашали с собой посторонних людей.

Так, в счастливой жизни сменилось два поколения, и ничто не предвещало изменений. Небо над посёлком действительно было солнечным, счастливым.

Закончился XIV век, наступили первые годы XV-го. Обиженные, враждебные вогулы были далеки, а с местными охотниками русские дружили. Большие поселения татар (Туртасские и Цингалинские юрты) ничем не напоминали о себе. Большинство жителей из этих аулов числились на службе у русского царя, некоторые из них даже участвовали в походах в составе русского войска. А небольшие аулы, что располагались по соседству, не вмешивались в дела русских охотников и поддерживали с ними хорошие отношения. Даже дважды свататься за русских невест приезжали, но получили отказы.

Главами семейств теперь стали внуки Андрона и Прокопа - мощные, белокурые молодцы : Порфирий, Никодим, Софет и Паисыч. Подрастала незаметно молодая смена.

БЛАГОДАТНОЕ ЛЕТО

ПОДБЕРЁЗОВИК

Раздвинув прелых листьев слой,
поднялся гриб и шляпкой светит.
Он, словно чудо предо мной,
и на опушке так заметен.

В УТРЕННЕМ ЛЕСУ

Тихо я бреду с корзиной:
вот обабок нахожу...
Белый гриб и подосиновик...
Вот в плотный лес вхожу.
Березняк - лишь листья, листья...
Шепчет мне вдруг грибничок:
- Что спешишь ты, оглянись же!..
-Ба, вот груздь, а вот - рядок!

Кучка к кучке, грядка к грядке-
(только листья приоткрыл),
словно бы играют в прятки...
Кто любовно их растил?

ЦАРЬ ГРИБОВ

Пробираюсь по болоту.
Впереди - огромный гриб,
шляпка с яркой позолотой,
по краям - слегка изгиб.
Подхожу, смотрю: гриб белый-
до чего ж красив, здоров!
И шепчу я: «В самом деле-
настоящий Царь грибов!».

ГРУЗДЬ

Не подберёзовик, не белый,
а груздь сырой - вот мой кумир!
Между полян с клубникой спелой
туман на зорьке лес прикрыл.
Пойдём, сестра, там, на увале
груздей сырых полным-полно,
да и волнушек там навалом.
Мне хочется туда давно.

...Лес пахнет ягодой-костянкой
и берестюю, и дождём.
А грузди кучею, делянкой-
куда ни глянь, стоят кругом.

РЯМ

Рям сосновый, пряный рям,
по озёрным берегам.
Зеленеет, как весна,
оттого душа ясна!
Здесь морошка с голубикой,
с алой клюквой и брусникой...
Лебединый клич печальный,
и рассвет над тундрой дальней!

ЯГОДНЫЕ МЕСТА

Прошумел дождь тёплый над поляной,
выглянуло солнышко опять.
Пахнет мёдом, клевером, дурманом...
Столько запахов - не сосчитать!
В капельках дождя блестят ромашки,
васильки, левкой, вороний глаз.
А клубника аlostью окрашена:
что ни ягодка- то благодать!

В ЗАХАРОВОЙ РОЩЕ

В роще пасмурно, уныло.
Всюду сырость из кустов,
запах листьев, запах гнили
от грибов- боровиков.
Лёг тенётник на поляны,
белой ниткой вяжет сеть...
Лишь в шиповнике багряном
солнцу в ягодках алеть!
Выхожу я на опушку -
впереди блестит жнивье.
Тишина...
И можно слушать
сердце гулкое своё!

И здесь пришла с Волги тревожная весть: монгольская Большая орда после разгрома, распадаясь на отдельные тюркские отряды, стала активно проникать за Урал и в таёжные районы Тобола и Приобья. Свирепые, кровожадные кочевники, нигде не приживаясь, мотались по тайге, разоряя и уничтожая поселения местных народов. Если татарские аулы-юрты имели возможность объединиться и противостоять отрядам тюрок, то малочисленные разрозненные вогулы, угры, остяки были перед ними бессильны. Тюрки беспощадно грабили, убивали, уничтожая всё живое на своём пути.

ОСТАТКИ ПЕПЛА

Над поселением парил тёплый осенний день. От лесных полей пахло сладкой созревшей клубникой.

Они ворвались неожиданно, как смерч или гроза. На лошадях, с гиканьем и воплями тюрки кружили меж домов, размахивая кривыми саблями и высоко поднимая над головами разящие копыта. В живых не оставляли никого: ни стариков, ни детей, ни женщин. Мужики - Порфирий, Никодим и их сыновья, схватившие топоры для защиты, погибли первыми. Чудом осталась в живых только одна 12-летняя Алёнка, успевшая юркнуть в погреб и прикрыть его охапкой травы. Девочка краем глаза видела, как злобные и жадные тюрки хватали вещи из раскрытых домов и прятали их в большие сумы, перекинутые поверх сёдел. Затем, запалив факелами все дома и побросав в огонь трупы убитых, всадники неспешно двинулись в сторону реки. И в последний момент Алёнка разглядела одну из женщин, связанную верёвкой и перекинутую поперёк лошади у замыкавшего отряд всадника.

Пламя полыхало над всеми избами с треском и свистом. Пересохшие брёвна воспламенялись быстро, пожар перекинулся и на хозяйственные пристройки. Дым взвивался ввысь и исчезал, растворяясь в сером осеннем небе.

Алёнка, высунув из погреба голову, не решалась ещё вылезти. И здесь она увидела, как из ближнего леса выбежали с корзинами две женщины. В одной из них девочка неожиданно узнала свою мать. Плачущая, дрожащая от страха Алёнка побежала навстречу. Оказывается, мать с соседкой по дому ещё с утра ушли в лес по ягоды, увидели сильное пламя над домами и побежали к посёлку.

Женщины (мать Алёнки – высокая, рыжая Настя и чёрнобровая соседка Матрёна) обходили с разных сторон уже догорающие избы, стараясь спасти кое-какие вещи. Случайно нашли с края полуобгоревший труп Никодима, вытащили его из пламени, отнесли к колодезю. Обмыли лицо, потушили водой тлеющую одежду. Голова Никодима была рассечена острой саблей.

Спустя немного времени со стороны реки появились Софет с маленьким сыном Никоном и коренастый Паисыч. Они быстро и осторожно пробирались по кустам к дымящимся избам. Рыбача на реке, издали увидели проскакавший с гиканьем вдоль берега отряд всадников, а позднее огромное пламя и дым над посёлком. И поняли всё.

Так от поселения в тридцать пять человек в живых осталось шесть душ. Подавленных, осиротевших, бездомных.

ТРЕВОЖНОЕ НЕБО

НА ПОГОСТЕ

Здесь на погосте на ранней заре
тополь мерцает в сплошном серебре,
алый с вершины и светлый с боков,
тянется призрачно до облаков.
Я на скамейке, взгрустнувший, сижу
вместе с вершиною в небо скольжу...
Души согбенных до срока людей
выплыли нитью седых журавлей.

В ОЖИДАНИИ ГРОЗЫ
На лесной глухой поляне,
где токуют глухари,
на меня саранки, глянув,
спрятались среди травы.

Прячутся и медуницы,
светом синих зорь маня...
А вдали мелькают спицы
молний, страшного огня.
Слышу дальний гром- и вижу,
отчего цветы грустят:
тучки чёрные всё ниже-
и, возможно, будет град.

КУРГАН
Нет, не злостный ураган
эти вздыбил кручи-
захоронен здесь в курган
человек могучий!

Был он воин-богатырь
иль охотник смелый...
Степь цветёт...
Такая ширь!..
И ковыль - сон белый.

У КРЕСТА

Разрыв-трава, полынь-трава...
Как жизнь жестока, неправа!
Могильный холмик свежей глиной
зовёт, кричит мне: «Ты повинен!».
...Дождь мелкий перешёл в туман.
И шепчут губы: «Мама...Мам!».

НАДГРОБНЫЙ КАМЕНЬ

Печалью роковой белеет
в степи поляна ковыля.
Огромный камень – мавзолеем!
Тревожно щели в нём глядят.

Исхлёстанный дождём и снегом,
от горя, времени - седой,
под вольным неоглядным небом
грустит один в степи большой.

БОЖЕ

Боже всевышний, на землю сойди -
дай нам молитвы,
крест свой спасающий не отведи
от душ, что печалью сокрыты.
Встань над безверьем, разверзни простор
и озари наши лица,
а всем виновным сверши приговор
своей беспощадной десницей!
Боже, но слабых утешь, пожалей...
Пусть жаждущим чудо приснится..
Явись над просторами вольных полей.
Да имя твоё осенится!

Несколько дней мужчины угрюмо разбирали остатки пепелища, выбирая разные вещи: топоры, и ножи, и всякую утварь. Находили обгоревшие кости людей и бережно собирали их в общую ямку. Решили похоронить прямо посередине бывшей улицы. Люди особенно не осторожничали, не оглядывались по сторонам. Наверяд ли тюрки могли вернуться, да и боязни и страха после всего случившегося уже не было. Внутри, в сердце, все перегорело, осталась лишь ненависть и жажда мщенья.

Софет и Паисыч подладили две лодки и начали готовиться к отплытию на новое жительство, куда-нибудь подальше от этих мест. Смотреть на злоеющее пепелище и чувствовать постоянно горечь невозможной утраты у них не было сил. А женщины открыто, постоянно плакали, и глаза их не просыхали ни днём, ни ночью.

ОПАСНЫЙ ПУТЬ

Свечерело. От реки разливалась прохлада.

Две лодки отчалили от берега и по течению, медленно погрузились в сумрак ночи. Решили плыть только ночами - для маскировки, в целях безопасности. Стояли ясные, тёплые дни августа.

В первую ночь, лунную и тихую, проплыли небольшое расстояние. Большую часть времени оглядывались по сторонам, часто отдыхали, поскольку в каждой лодке был один гребец. Шли на вёслах, а иногда, ближе к берегу, толкались шестами. На берегах реки то слева, то справа часто светились костры. Всё-таки большая часть охотников жила не в глубине тайги, а на берегах, что облегчало встречи с купцами. Ведь без соли и хлеба, и других припасов, привозимых купцами, было не обойтись.

На вторую ночь справа показался большой татарский аул, у берега качались две лодки рыбаков. Татары подплыли поближе, чего-то кричали, но Софет и Паисыч помахали им руками на прощанье, показывая всем своим видом, что русские торопятся. Татары сразу приотстали. К утру лодки вышли на широкий разлив реки Тобол.

На третью ночь, когда открылись огни очередного аула, Софет и Паисыч направили лодки ближе к противоположному берегу. У самого берега оказалось мелководье, и плывший впереди Софет встал в рост и начал толкаться шестом. И здесь случилось непредвиденное. Его лодка наехала на затопленную сосну, ветки дерева спружинили, резко приподняв нос судна. Гребец не удержал равновесия и упал на борт. Лодка, зачерпнув основательно воды, пошла ко дну. Софет успел схватить сына Никона и, вытолкнув из воды наверх Матрёну, вместе с ними ринулся к берегу. Проплыл всего метра два-три и встал на ноги. Внизу было мелкое, песчаное дно.

Паисыч сразу подгрёб к перевернутой лодке соседей, схватил её за верёвку и, буксируя, вытащил на берег. Все вывалившиеся из лодки вещи остались в воде.

Решили не плыть дальше, а сделать привал и попробовать достать утопленный скарб со дна. Так и сделали. Пока Матрёна и Никон переодевались и грелись, мужчины ныряли, доставая, то топоры, то кухонный инвентарь. Всё, что было тяжёлым, они нашли на дне. Все лёгкие вещи угнало течением.

.-Ну и ладно, - сказал Паисыч, - сами целы, а без вещей обойдёмся.

Осматривая лодку, Софет обнаружил сломанное крепление для вставки весла. И до утра занимался ремонтом. За длинный день всё хорошо отдохнули, высохла одежда. Дважды сварили уху.

Очередная ночь прошла без происшествий, а в следующую ночь они подплыли к устью Тобола, туда, где он впадает в Иртыш. На высоком правом, противоположном, берегу горело множество костров, слышалось ржанье коней и ярые крики тюрок. Да, это явно были не татары, их язык русские охотники немного понимали. А этот был совершенно чужой.

Софет и Паисыч повели лодки вплотную вдоль кустов тальника, который рос в воде, и быстро сплывали вниз по Иртышу. Их поразило быстрое течение воды, что облегчало дальнейший путь. Но в то же время пора было искать слева какой-нибудь приток-речушку. Именно здесь они планировали найти место будущей своей стоянки.

ВЕСЕННИЙ СВЕТ

ЖАВОРОНОК

Жаворонок в небе майском
песенку мне пел
и, качаясь, сладко маясь,
под облаком висел.
Как на ниточке висел!
Долго слушал я, смотрел...
А потом сложил он крылья-
камнем вниз - и в травах скрылся.

ЗАРЯ

Блекнет небо звёздное-
тонкий штрих зари
узенькой полоскою
радужно горит.
В синий свет окутаны
дали Иртыша...
Свежестью предутренней
полнится душа!

УТРО

Весенним, ярким солнцем
гумно освещено,
и распевает звонко
воробышек в окно.
На маленькой лужайке
проклюнулась трава.
Над речкой вьются чайки,
и плещет синева.

НА ИЗГИБЕ ЛУГОВОМ

Желтизною светят ивы
на изгибе луговом,
стаяка уток на разливе
плещет ярким серебром!
И под солнцем разомлели
с первой травкой берега.
Жаворонок на свирели

распевает в облаках.

Селезень в наряде брачном
отражается в реке!
...Ем я дикий лук и плачу
на седом солончаке.

ВЕСЕННИЕ КРИКИ

Весенние крики ночами
над озером сводят с ума...
Всё то, что до срока молчало -
теперь и не вздумай унять!
Безудержность кряквы и выпи.
В томленьи - лягушечий звон...
Мир радостный всюду рассыпан,
всколдованным сладостным сном.
Вот - чибис, пронзительно близкий...
Вот плакса - кулик, то - сова!...
Клич сыплется звёздными искрами.
Влюблённые слышу слова!

ПРИШЛА ВЕСНА

Пришла весна.
Проталин пятна,
в них - зелень первых стебельков.
Журчат ручьи.
С ума я спятил:
рву вербу жёлтую с кустов.
Стерня сверкает в дальнем поле,
сверкает лебедь белизной,
в лицо мне дует ветер вольный.
И пенье птиц - над головой.
Над мокрой полевой дорожкой
парит дымок, и в ноздри бьёт
щемящий запах – аж до дрожи...
Край солнца огненно встаёт!

КОСТЁР

В вечернем поле - холод, сырость.
Как алый мак, горит костёр!
Весна, ты дай тепла на милость,
с утра шёл снег, и я промёрз.
Здесь, на поляне, цвёл подснежник-
повяли, сникли лепестки.
Но в полдень солнце грело нежно-
снег превратился в ручейки!
И я смотрю уже без гнева
на луг туманный, на костёр...

Зарёй отсвечивает небо,
и светом полнится простор!

РЕЧНАЯ СИНЕВА

Смотрю в речную синеву,
как в очи ясные России!
Люблю небес голубизну!
Мне дорог цвет весенний - синий!

Слева, между островков ивы, пошли заливные луга.

Про эти тихие места они знали давно. Охотников здесь мало, а если и кто промышлял, так чаще это были обские угры. Где-то поблизости вытекала из болот и стремилась к Иртышу речка Конда, и по ней можно было попасть в верховье, куда никак не проберутся на своих лошадаках кровожадные тюрки.

КОНДИНСКИЕ РАЗЛИВЫ

Речка Конда появилась неожиданно.

Слева, где по воде растёт множество кустов невысокой ивы, её неширокое устье издавна не видно. Но только охотники повернули свои лодки и въехали в Конду, начались широкие разливы, кое-где переходящие в озёра. Чем дальше плыли беженцы, тем шире разливалась река. Низкие берега заросли кустарником, виднелись кочки с осокой. Всё напоминало сплошное болото.

Несколько раз путники высаживались на берега, осматривали небольшие сухие островки леса и снова плыли вперёд. Наконец-то пошёл высокий берег протяжённостью более километра. Все давно устали от выматывающей поездки и решили: «Хватит». Нашли взлобок с небольшой полянкой и раскинули временный лагерь, соорудив два шалаша из веток и травы.

Две небольшие избы рубили долго: очень неважные, тупые были топоры. Одновременно в зиму наготовили рыбы, ягод. Хлеба и соли не было. Предстояла трудная зима. Особенно похудела Алёнка, с воспалёнными глазами она походила на больную. Зато Никон чувствовал себя здоровым парнем, привольно бегая по окрестностям.

В начале следующего лета к их берегу причалила купеческая лодка, кое-что они выменяли на меха, но в сравнении со старым местом жительства у них всё было хуже. Не зеленели грядки с овощами, не колосился ячмень, вокруг изб не бегали куры и козы. Мало было ловушек на зверя и рыболовных сетей. Так что жилось намного беднее.

Прошло ещё несколько лет, Алёнка и Никон повзрослели, поженились. У них появились двое детей. У Софета с Матрёной тоже рос маленький сын. Только у Паисыча с Настей не было малых, так как Настя часто прихварывала, да и Паисычу шёл уже пятый десяток.

РЕЧНЫЕ РАЗЛИВЫ

ИВЫ

На разливе сестрички - две ивы
жёлтым пухом слегка зацвели.
Ветер треплет им косы игриво,
слышу клич лебединый вдали.
Пахнет гнилью, увядшей травойю.
Пар прозрачный плывёт из куста...
Неуютно, прохладно - не скрою,
но такая вверху СИНЕТА!..

На дороге колеи
растеклись в промоины.

НА РАЗЛИВАХ

Майский вечер освежает-
нежит губы, щёки, лоб...
В ручейке вода живая
о любви поёт взахлёб.

ПРОМОИНА

Тает снег, бегут ручьи
с пеной по голдобинам.

НА ЗАКАТЕ

В заливе у высокого обрыва
в кустах горит шиповника огонь.

Вдоль берега,
с лохматой рыжей гривой
идёт в лучах, пофыркивая, конь.
Он мутит воду, бьёт её копытом,
пьёт медленно...
Закатный луч горит
в воде пожаром...
Золотом облитый,
как изваянье, долго конь стоит.

ЗАРЕЧЬЕ

Вернулся вновь домой, в заречье,
и понимаю: здесь, в тиши,
меня природа нежит, лечит...
Рукав протоки - часть души!
За огородом синь речная
два облака в воде качает...

ВСТРЕЧА

Ивовый берег покатый.
И тень камыша на песке.

...В тиши предрассветной сохатый
к заспанной вышел реке.
Грива лохмато свисала,
и ровно дышали бока.
Лось пил...
Видел я, как сверкали
в капельках губы быка.

МОЙ ЛУГ

Июльским дождём исцелован,
цветами по пояс покрыт,
мой луг, изгибаясь подковой,
как радуга, ярко искрит.
Иду я тропинкой заречной -
с увала к реке напрямик...
Обрыв...
И в песочке лепечет
холодный и чистый родник

Время неумолимо текло, как вода в Конде.

Сменилось поколение, и уже Никон и Алёнка имели двоих детей. В пяти просторных избах жили пять семей. Неожиданно в один из пасмурных дней к ним подчалали старенькая лодка, и из неё вышли рыжеватый мужик и светловолосый мальчишка. Попросились на постой на несколько дней. Рассказали, что плывут они с верховья Иртыша, спасаясь от страшных кочевников-джунгар, пришедших из знойных степей.

Лютые, свирепые всадники не отрядами, а целыми полчищами заполнили все южные земли Прииртышья. Приступом взяли город-крепость Асгард, что стоял на самом видном месте, на высоком берегу Иртыша, где в Иртыш впадает река Омь.

Асгард считался независимым купеческим городищем. Здесь проживали люди разных народностей – вогулы, остяки, алтайцы, угры, китайцы, кипчаки, селькупы и другие. Но больше всех было татар, и потому знатные беки, мурзы обладали большой властью. Из русских в городище проживало на одной улице более десятка семей. Одна семья имела кузницу, а глава соседней обжигал кувшины, горшки, чашки, делая на них красивые рисунки. Ещё четыре дома имели торговые лавки. Две семьи - из Нижнего Новгорода, одна - с реки Кама, из династии купцов Строгоновых. Вот и купеческая семья Евдокима (так звали пришельца) когда-то жила вначале в городище Кызыл-Тура (это место при впадении реки Ишим в Иртыш), а затем перебралась в Асгард.

Джунгары разрушили всё городище до основания. Мало кто из жителей остался в живых. А Евдокима вместе с десятком других здоровых мужчин-пленников, заставили по камушку разваливать стены Золотого храма, что стоял в центре Асгарда.

Евдоким рассказал, как стал верующим, как постоянно молился в этом храме. А ещё поведал, что в здешней округе, в районе реки Конда, есть два монастыря. Вот их-то он и искал, чтобы остаться в одном из них. На его вопрос: «Где здесь поблизости монастырь?» - все только руками развели.

Евдокима, почему-то, сразу полюбили и с большим вниманием слушали его долгие рассказы, особенно о древнем городе Асгард и его Золотом храме.

ГОРОД АСГАРД

Однажды сумрачным зимним вечером Евдоким рассказал историю Асгарда:

«Так вот, сосед Парамон, что обжигал из глины всякую хозяйственную утварь и красиво рисовал на ней, более года занимался художественными работами в Золотом храме. На одной из стен, день за днём, по заказу священников, он творил картину, на которой изображал воинский отряд светлоликих, белокурых всадников с голубыми глазами. Служитель храма Ипокас ревностно и

строго следил за его работой и однажды поведал ему, что всадники - не мифические боги, а воины славяне-скифы, когда-то более двух тысяч лет назад населявшие эти места.

Поселение - крепость Асгард стояло здесь ещё до них с незапамятных времён, но много раз разрушалось в процессе войн. И тогда скифы восстановили дозорные башни, соорудили деревянные и каменные жилища, возвели церковный храм и обнесли город-крепость земляным валом и глубоким ровом, наполненным водой. О красивом и мощном городе, воздвигнутом людьми белой расы, знали люди во многих частях света. Со временем Асгард стал крупным торговым центром.

Прошло много лет, и неожиданно многочисленные племена скифов, не вытерпев здешних холодов, собрались в дорогу и откочевали на запад - в сторону Азовских и Причерноморских степей. Осталась от них лишь небольшая часть людей в Асгарде и в степях Прииртышья.

В подтверждение своих слов церковник Ипокас показал Парамону берестяную грамоту с записями о том времени, в которых значились даже два князя: Словен и Скиф.

Правда, через некоторое время с южной стороны, из Китая, появились новые кочевые отряды славян-хуннов, сразу заповилившие всё Прииртышье. Хунны объявили Асгард своей столицей, дружески расселившись и перемешавшись с родственными скифами.

Но страсть к кочевью вскоре снова завладела хуннами, они так же внезапно, как и появились, семьями, стар и млад, садились на своих лошадей и скрывались в западном направлении, оставив в Асгарде малочисленные отряды с осевшими здесь ранее скифами.

Самое продолжительное время, несколько веков, в степях и лесах Прииртышья проживало воинственное племя - гунны. Они-то уходили куда-то в поход большими отрядами, то возвращались обратно. Об их смелости и умении сражаться сложено немало легенд, их конница повергала в страх любого врага. Но и гунны ушли на запад к родственным славянским народам, оставив в Асгарде небольшую часть своих бледнолицых собратьев.

А время шло, сменялись века, менялись поколения...

За последние несколько столетий Асгард много раз подвергался набегам с юга конных полчищ монгольских завоевателей, которые убивали светловолосых мужчин, а женщин забирали с собой в жёны. Особенно свирепствовали тюрки, хотя местные татары с давних пор не проявляли особой ненависти в отношении светлоликих славян.

Так или иначе, в Асгарде исчезли светлокосые славяне, и лишь в последние годы появилось несколько русских поселений не только здесь, но и в разных местах Прииртышья. Конечно же, русские люди представляли в Асгарде могущественную Русь, а потому они пользовались у всех народностей особым уважением. Местные ханты и манси, угры, селькупы относились к ним по-дружески. Татары раскланивались, хитрили, но побаивались мести из-за давних варварских набегов своих сородичей-тюрков. Ведь всё чаще на территории Сибири стали появляться военные отряды русских служилых людей...

Как-то Евдоким в безлюдном храме в который уже раз тайком держал в руках потёртую берестяную грамоту с непонятными словами, словно старался разглядеть на ней далёкие скифские лица, и не заметил подошедшего сзади служителя Ипокаса, произнёсшего неожиданную фразу:

«Всё в этом мире по божьему велению возвращается на круги своя. Вот и вы, русские люди, предки славных скифов, хуннов, гуннов возвращаетесь постепенно на свою родную землю, а мои предки испокон жили здесь, в Прииртышье. И чует моё сердце - они тоже имели славянские корни...».

Да, много раз, рассматривая Ипокаса, внимательный Парамон отмечал для себя его светлые волосы, голубые глаза, правильные черты лица. Церковник мало был схож с окружающими тёмнокожими людьми и больше походил на жёлтоликого степняка. Видать обычное кровосмешение разных народностей (а это было обычным явлением у многих здешних племён) изменило внешний облик Ипокаса настолько, что уже трудно было определить его скифское происхождение.

Так, постепенно работая в церкви, Парамон узнал много интересных фактов из истории Асгарда, а Евдоким, бывая у него и наблюдая за священниками, впитывая в себя таинственный дух богослужения, постепенно полюбил величие Золотого храма и стал верующим.

В конце рассказа Евдоким добавил, что Парамон погиб одним из первых от сабель джунгар, ворвавшихся летним утром на улицы Асгарда. Евдокиму поначалу удалось спрятаться в подвале дома, но его джунгары нашли на второй же день. Поскольку у них появилась надобность в рабочей силе по разрушению Золотого храма, его оставили в живых. Толкнули в толпу пленников, выдав тяжёлую кирку.

ЗОЛОТОЙ ХРАМ

Омь означает (в переводе с татарского) - «тихая река».

Там, где она сливается с Иртышом, на высоком правом берегу, в самом центре Асгарда возвышался Золотой храм. Иноземные купцы с юга везли в Асгард на торги нарядные шелка, серебряную и золотую посуду, дорогое оружие. Всё это в обмен на богатые здешние меха. С запада, со стороны реки Ишим, прибывали купцы из-за Урала и даже из Новгорода. На торгах высоко ценились чёрные соболи и лисицы, горностаи и бобры, норки и колонки.

В цене были и огромные мохнатые шкуры медведей, и роскошные меха рысей. Здесь же продавались многие сорта красных рыб, соль с Ямышевских озёр и многое другое.

Золотой храм был открыт для всех, и каждый человек считал своим долгом зайти в него, отдать поклоны и что-то оставить в дар. Купцы расщедривались на золото и серебро, простолудины дарили вещи церковной прислуге, а кто-то просто ставил свечи.

Убранство многочисленных икон ослепляло позолотой и драгоценными камнями. Яркое разноцветие росписей и строгость обрядов покоряли всех верующих и возвышало их над мирской суетой.

Все девять куполов храма были покрыты чистым золотом. Потому-то он и назывался «золотым».

БОЖЕСТВЕННЫЕ ВЫСИ

НАД МОГИЛОЙ

Церковный купол с колокольной
сияет в выси над рекой,
а я смотрю с тоской и болью
на низкий холмик со звездой.
Он без оградки, не ухожен,
растёт вокруг густой бурьян...
И первым снегом припорошен
печальный домик прихожан.

МИЛАЯ РОДИНА

Капают капельки.
Капают
дождинки, и с ними - тоска.
Чью- то судьбу оплакивать
решили с утра облака.
Дождь беспробудный и нудный
в душу мою моросит...
Милая Родина, трудная
зимушка нам предстоит!

ТРУДНЫЕ ВРЕМЕНА

Ночной крадётся полумрак,
в глаза и сердце проникая.
И делаю с трудом я шаг,
на ровном месте спотыкаясь.
Вокруг не ночь - то хмурый день
ползёт по матушке России.
Не Судный день, а злая тень
надежду в сердце погасила.
Не спрятаться, не убежать -
всё поглощает тьма ночная...
О, Русь, как сыну не пропасть?!
Зри, богородица святая!

РАННЯЯ ЗВЕЗДА

Над речкой гаснет ясный день
и, розовея, облака
в закатную уходят тень...
Звон тихий - свысока.
Восходит ранняя звезда,

как малый уголёк -
плывёт по небу наугад...
Как свет её далёк!

ВОСПОМИНАНИЕ

Веточки багряные берёз
выплыли в рассвете из тумана.
Их листва, как прядь твоих волос,
с отсветом-
белёсым, горьким, ранним...

В ПОЛНОЧЬ

Вмиг ослепит звезда шальная,
слетевшая с небес стрелой!
И снова - мрак...
То – жизнь чужая,
сгорев, прощается с тобой.
И ветер непонятной речью
среди веток тайно прошумит...
И станет ясно: жизнь - не вечна,
и сердце - так заохладит!

БОЖЬЯ КРАСА

В небе распахнутом - синь, глубина!
Вечностью пахнет полынной.
Полюшко-поле, моя сторона:
клич журавлиный, былинный.
Тихая рощица светлых берёз
берегу дарит прохладу,
вновь ветерок запах мяты принёс
с луга-
а луг, вот он, рядом...
Божья краса, ты во всём мне видна,
в зелень упал - и хмелею.
Божья коровка, очнувшись от сна,
крылья раскрыла, как фея!
И с рукава моего - фить!
- В полёт!..
Кузнечик над ухом стрекочет...
И жаворонок всё выше поёт,
его разглядеть - нет уж мочи!

Кровожадные всадники сожгли все деревянные дома Асгарда, разрушили каменные сооружения, сделанные из глины и песка, как из монолита. Стены же Золотого храма были выполнены из особого белого сверхпрочного материала, в котором была залита мраморная крошка. Золотой храм сооружался навечно.

Джунгары изготовили специально тяжелые кирки, отобрали из толпы пленников два десятка самых здоровых мужчин и приказали им долбить стены. В число этих пленников попал и Евдоким.

СЧАСТЛИВЫЙ ИСХОД

Много дней пленники долбили стены храма, крепкого и красивого, не желающего погибать.

Когда храм уже почти полностью разрушили, Евдоким, отлучившись по малой нужде, подошёл к таловому кусту у берега. Оми и вдруг из куста услышал голос своего сына Василя: «Тятя, иди сюда, у меня здесь лодка...».

Пленник незаметно от стражи юркнул в куст, за которым на воде стояла маленькая лодка, подаренная им ещё давно единственному сыну. Евдоким осторожно влез в утлое судёнышко, оно погрузилась в воду почти до краёв, но выдержало. Сын оттолкнулся веслом и, хоронясь за выступом берега, осторожно направил лодку в сторону Иртыша. Сильное течение подхватило посудину и быстро понесло к Зелёному острову.

Там когда-то стоял чей-то дом, но его также сожгли джунгары. У берега из воды торчала перевернутая вверх днищем лодка. Василь ловко подгрёб к ней, Евдоким ухватился за борт рукой, и они поволокли её на сушу. Перевернули, вылили воду. Нашли рядом в траве старые весла и шест, сели в большую лодку и дружно начали грести, направляя судно дальше по течению Иртыша. Вскоре они были далеко-далеко от разрушенного Асгарда.

Несколько дней подряд дул сильный ветер, и по Иртышу гуляли высокие седоватые волны. При неловких движениях гребцов лодка подставляла свой борт под волну, и вода с шумом вливалась в деревянную посудину. Пришлось постоянно держаться ближе к берегу с подветренной стороны.

Недалеко от впадения Тобола в Иртыш, на высоком правом противоположном берегу, они увидели большое городище. Причалили незаметно, понаблюдали. Потом, через день, встретившийся вогул-рыбак объяснил, что они видели столицу татар-город Кашлык (Искер).

Примерно через неделю беглецы попали к устью речки Конда. А ещё через два дня увидели жилище русских охотников.

ЛЕТНЯЯ ПОРА

ПЕРЕПЕЛЯТА

На поляне, клубникой богатой, -
треск кузнечиков.
Сотни стрекоз...

Разбежались перепелята -
слышен писк их у дальних берёз.
Меж цветов и травы непролазной
малых птенчиков как рассмотреть?
Мать кричит: «Где ж, проказники?».
...То - взлетит, то - садится на ветвь.

ЛЕТНИЙ ДОЖДЬ

Над берёзовым леском
прокатился резвый гром.
Капли звонко застучали
по раскрывшейся листве,
на дороге зажурчали
ручейки...

И – всплеск в траве.
За увал свалилась тучка,
встала радуга-дуга.
От травы дурман пахучий
дымкою прикрыл луга.

КОВАРНОЕ БОЛОТО

А кочки, как живые, на плаву

играют, прикрывая мрак колодцев.
Шагнёшь поспешно в рыжую траву -
и с головою в воду окунёшься.
И не достанешь илистого дна.
Вокруг - талы и мхом заросший берег...
Шумит камыш о том, что жизнь – одна,
и что нельзя болотным кочкам верить.

УСТАЛОСТЬ

Рано лист рябины вянет, -
слишком резко холода...
От тумана ли устану,
иль озябну ото льда?!
Но стихи я не заброшу!
Выйдя в поле поутру,
душу с первою порошей
в них развею на ветру!

ТВОРЧЕСТВО

Буква к букве - слова,
Следом - строчки.
Ну, а смысл весь порой между строк!
...В этом мире жестоком, непрочном -
научи верить книге, пророк!

Евдоким и Василь с отъездом не торопились, да, собственно, и куда ехать - они и не знали. Найти монастыри, о которых никто ничего не слыхивал, было бы трудно. Паусыч с Настей жили в избе одни, и беглецы пока ночевали у них. Все как-то быстро привыкли к новичкам и на общем совете предложили им оставаться здесь. Евдоким и Василь поблагодарили за гостеприимство и согласились осесть хотя бы до следующей весны. Ведь на дворе стоял уже сентябрь. Мужчины, собравшись на «помощь», за несколько дней срубили новичкам небольшую избушку. До первого снега успели изготовить печь.

БОЛЕЗНЬ «МАЛЯРИЯ»

Прошла зима - многоснежная, лютая. В первые дни весны талая вода разлилась по всей округе, затопив большую площадь сухой территории вокруг изб охотников. Правда, на лодках мужчины не замечали лишней воды, а вот женщины и в лес-то за хворостом не могли сходить. Вода не убывала всё лето, отчего как никогда было много комаров и, особенно, гнуса. Да и сам воздух с утра до вечера оставался влажным, Кругом стояла плотная тайга, лес не продувался, грядки с овощами от сырости сопрели.

Прошел ещё год, а картина не изменилась. Снова сильные паводки, снова вокруг - вода круглое лето. И так повторилось несколько лет подряд. И здесь у многих приключилась беда: на теле образовалась сыпь, больных начал мучить сильный жар. Через неделю у Никона с Алёной умер мальчик, девочка еле выжила. Как пояснил Евдоким, это болезнь у них в Асгарде называлась «малярией». Все больные пили горький отвар из сосновой коры, обтирали себя лечебными травами. И малярия исчезла - но только временно. Она стала появляться часто, через каждые два-три года.

ДНИ РАЗДУМИЙ

О ЧЁМ ЗВЕНИТ?..

О чём звенит в ночи осока?
О чём ей вторят камыши?
Счастливый я и одинокий
томлюсь в задумчивой тиши.
Берёзы, затаив дыханье,
склоняют ветви над тропой.
И звёзды с робким заклинаньем
срываются к земле стрелой!
Лишь прокричит сова, взлетая,
да мышшь прошелестит в копне.
...И снова тишина густая
рождает музыку во мне!

В ОХОТНИЧЬЕЙ ИЗБУШКЕ

Потемнели к вечеру деревья,
обступили хижину мою.
Где-то притаились рядом звери.
Камыши озябшие поют.
В песне этой - расставанье с летом...
Мне дремать в избушке - до рассвета.

ЖАРКИЙ ПОЛДЕНЬ

Вьюн взметнётся – и уляжется
золотистой струйкой пыль.
Нежно-белым морем кажется
вдоль обочины ковыль.
Коршун медленно снижается,
Миг - и камнем упадёт...
Распахнулась степь тишайшая,
жаворонок лишь поёт.

ЖУРАВЛИ

В ясный полдень в небе синем
кружат стайкой журавли.
Пригляжусь: лишь росчерк крыльев
различаю я с земли.
Марево...
И испаренья,
как потоки, ввысь текут...
Крыльев взмах, затем - скольженье.
По волнам плывут, плывут!
На безветрии небесном,
в синеве купаясь вновь,
чуть курлыча, грустной песней-
дарят светлую любовь!

МОЛЮСЬ НЕБЕСАМ

Светятся кедры в разводьях зари,
стекают лучи по иголкам.
Где-то токуют в глуши глухари,
дремлют в урочище волки.
Алой брусникой усыпаны мхи,
птицы на кочках болотных:
между тетёрок черны петухи-
держится выводок плотно...
- Праведный Боже!
Молюсь небесам,
стою, приобнявшись с сосною,
себе я хозяин - и волен я сам,
какою идти мне тропой.
Нет на лице от сомнений теней,
зарёю рассвечены дали...
Вот вышло навстречу семейство лосей-
они здесь людей не видали.

ТРУДНЫЕ ВРЕМЕНА

Шли годы. У Алёны с Никоном родились и уже повзрослели два сына, крепкие, здоровые. Назвали их Глебом и Борисом. А старшая дочь Софья вышла замуж за возмужавшего Василя. Вскоре и у них появился первенец, девочка Катя. Следом родился и мальчик, назвали Фёдором. И хотя в этих местах всегда жилось трудно, были свои радости у каждого члена большой семьи. И всё бы ничего, если бы не частые болезни. Вот и в следующем году малярия в тяжелейшей форме набросилась почему-то на старых людей. Они плохо переносили сильнейший жар, к тому же появлялась отёчность лица и шеи. Грудной кашель сотрясал их тела. Вначале померли Паисыч и Настя, через неделю скончался Софет. А ещё через неделю хоронили Матрёну. Евдоким вроде уже поправлялся, но почему-то у него горлом пошла кровь, и он умер в ту же ночь. Так в течение месяца большое семейство полностью осиротело, оставшись без мудрых своих родителей.

Прошло ещё несколько лет.

Алёна с Никоном и Василь с Софьей изрядно постарели. Долгими зимними вечерами они строили планы на будущую жизнь, на обязательную смену места жительства. Остаться дальше в этих краях было нельзя. Василь настаивал на переезд к югу, где было меньше сосновых лесов, а больше берёзовых рощ. Он доказывал, что там есть широкие поляны и много-много солнца. И потому в том краю никогда не бывает малярии, которая так постоянно мучает их, отравляя всю жизнь. А может, его просто очень тянуло в родные края, поближе к бывшему Асгарду.

Катя, дочка Василя, став невестой, вышла замуж за Бориса, и у них уже росла девочка Марфа. Сам Василь, хотя ему уже было за шестьдесят, выглядел крепким мужиком, а его сын Фёдор вырос в настоящего богатыря.

И вновь к ним пришла «малярия», и снова тяжело заболели старшие. Одна за другой скончались бабушки Софья и Алёна, затем и Никон. Выжил только Василь. Наконец, терпение у всех кончилось. Не дожидаясь окончания зимы, начали готовиться к переезду.

Наступила весна. Собрав в две лодки свой скарб, переселенцы присели на берегу перед долгой дорогой. В первой лодке плыл старый, опытный Василь с сыном Фёдором, во вторую сели Борис с семьёй (женой Катериной и восьмилетней дочкой Марфой) и его брат Глеб.

ВВЕРХ ПО ИРТЫШУ

Весенняя вода из-за быстрого половодья была холодной, глубокой.

Два дня они выплывали по Конде до Иртыша. По течению, легко, не торопясь, делая частые остановки, путники доплыли до широкого плёса Иртыша. Если вода в Конде была светлой, чистой, то в Иртыше из-за сильного течения со дна поднималась глина, песок, что делало воду немного мутной и желтоватой. Даже у берега течение сносило лодки назад, мешало грести. Так что путь предстоял нелёгкий.

Последний купец, что был у них год назад на Конде, поведал им о походе русских во владения хана Кучума, сам-то купец жил в Нижнем Новгороде, а поход снаряжали и обеспечивали купцы Строгоновы, давно обосновавшиеся на Каме. Купец сказывал:

«У них, Строгоновых, там по указке царя есть даже свои владения. А походом командовал казачий атаман Ермак. Русские захватили Кашилык, но год назад Ермак попал в засаду и погиб... Кучум после этого скрывается в степях...»

А что получилось дальше, купец толком не знал, хотя, как он утверждал, по указу царя, русские продолжали совершать по Иртышу очередные передвижения воинских отрядов. Делают они это на больших лодках-стругах, и есть оружие у них огненное, страшное...

Глеб и дед Василь перед отплытием, вспоминая его рассказы, посмеивались:

- Едем в гости к своим, русским, ежели чего, помогут, - говорил Никон.

- На Бога надейся, а сам не плошай, - поддакивал Василь, употребляя любимую поговорку своего отца Евдокима.

Через день плавания с правой стороны показался аул.

- Цингалинские юрты, - коротко проронил дед Василь. - Надо подождать вечера и по темноте проехать незамеченными, а то чего бы не получилось нехорошего...

Так и сделали. Поздно вечером проплыли мимо аула, возле которого на берегу реки не было ни души. На ночь остановились на большой полянке и всю ночь поочередно дежурили. Так, на всякий случай.

ИРТЫШСКИЕ ПРОСТОРЫ

ПОЙМЫ ИРТЫША

Пойма Иртыша. Лес...
Ежевика
в глубине роскошно так цветёт,
на больших листьях играют блики,
иволга загадочно поёт.
Папоротник с головой скрывает,
прячет мох лосиные следы...
По тропе звериной я плутаю -
а они ведут все до воды!

МЫС

Плыли мы по Иртышу
по течению, вниз
У местечка Артышу -
остров, рядом - мыс...
Белый выступ, пляж песчаный -
одинокий и печальный.

В БУРЮ

Когда волна в лицо швыряет
каскады брызг, а вихрь грозы
пугает одичавших чаек,
ты страх подальше отложи.
И пусть трясёт, как в лихорадке,

тебя отчаянная дрожь-
берись за вёсла без оглядки!
Греби смелей - и доплывёшь!

БОЛЬШАЯ БИЧА

Цветы - по грудь, и пчёлы - у виска...
Хожу я по некошеном полянам,
по ягодным местам - им нет конца!
Здесь Север-
и закат в сто крат румяней!
Под соснами - багульник, мох - как пух.
Непуганые рядом птицы, звери...
Мир первозданный - вековечный дух!
Впервые хочется в бессмертье верить!

НА ДЕМЬЯНКЕ

Дремлют тихо камыши,
рябь воды седая.
Крики дальние слышны
перелётной стаи.
Паутина на шесте,
лёд, намёрзший в лодке....
И снежинки в высоте
запоздавшей сводкой!

Благополучно переночевав, так и не увидев татар, утром рано сели в лодки.

Три дня плыли ,не встречая никого. Поселения по левую сторону, на высоком берегу Иртыша, хотя и встречались, но все они были татарскими аулами. А после войны Ермака с Кучумом татары могли изменить своё отношение к русским, и встречи с ними были нежелательными.

И вот, когда лодки переселенцев подошли к устью Тобола, на другом берегу Иртыша неожиданно открылось сверкающее городище. По всему было видно, что начато новое строительство крепости.

- А этого городища, когда мы с отцом плыли к вам , тогда ещё не было. Видно, быстро строится, да и лодок у того берега много ,- так высказался дед Василь .

И всё же не рискнул дед подплыть ближе к городищу и направил свою лодку дальше, вверх по Иртышу. За ним безропотно последовала и другая лодка.

Через полдня лодки оказались напротив уже другого, старого, городища.

- А это - крепость Кашлык, бывшая столица Кучума,- определил дед Василь.- Да что-то в ней никого не видно, словно вся вымерла.

И всё же, сохраняя предосторожность, лодки русских по- за берегом ,с противоположной стороны от городища, быстро проплыли дальше по курсу. Незачем было рисковать, не зная настоящего положения дел.

В УСТЬЕ РЕКИ ВАГАЙ

Через сутки после Кашлыка неожиданно справа показалась широкая горловина какого-то протока.

Все очень устали: гребцы - от вёсел, а женщина с ребёнком - от тревожных ожиданий дальнего пути. Решили передохнуть и свернули в устье. Поставили на берегу пару шалашей, приготовили уху.

Солнце скатывалось к вечеру, стало прохладнее. Неожиданно из-за излучины показалась чужая лодка и уткнулась в берег, напротив шалашей. Лодки же русских были укрыты в ивовых зарослях, подальше от чужих глаз.

И вот на берегу реки появился здоровенный вогул и неторопливо направился к костру. Подошел, поздоровался. Разговорились. Вогул жил с большой семьей невдалеке, немного понимал русский язык,

ведь сюда часто наезжали купцы с Урала. А дед Василь ещё и понимал некоторые слова вогулов и остяков. Между ним и вогулом завязалась оживлённая беседа.

Вогул сразу признался, что долго наблюдал за ними из-за поворота реки. Изучал, приглядывался, пока не убедился в мирном поведении приезжих. Он сообщил, что ждёт русских торговцев, они в прошлом году обещали привезти ему много зерна и хорошие, новые сети в обмен на меха. Правда, нынче охотничий сезон был не совсем удачный, и шкур у него немного.

Дед Василь, внимательно выслушав, похвалился:

- У нас шкур полно, а есть нечего, нет хлеба вообще, и надо бы тоже где-то обменять на меха.

Вогул при упоминании о мехах, несколько оживился и предложил обмен на ружьё, которое лежит у него в лодке. Дед Василь всего однажды видел пицаль-ружьё у одного купца, приезжавшего с юга на ярмарку в Асгард. Купец оружие не продавал, поскольку ружьё предназначалось для охраны торгового каравана. Но Василь знал, что оно стоило немалой цены и попросил вогула показать ружьё.

Вогул сходил к лодке, принес большой свёрток. Осторожно развернул. Железный ствол ярко заблестел и вызвал восхищение у всех присутствующих. Деревянный приклад, большой курок и длинный ствол - всё было необычным.

Вогул неторопливо рассказывал, что год назад, вот там, в устье Вагая, на острове, произошла ночная битва казаков Ермака с татарами, которые ночью напали на русский стан и перебили всех. Погиб и сам атаман Ермак. Его тело через несколько дней нашли неподалёку в Иртыше.

Вогул на следующее утро, приплыв сюда на рыбалку, видел, как татары после боя ходили по острову, собирая мечи, копья, кольчуги и блестящие железные предметы. То были ружья, о которых вогул тогда ещё и не слыхивал.

Дней через пять, в ясное, тихое солнечное утро, проплывая мимо острова, вогул из интереса решил заехать на остров, посмотреть на место боя. Подчалил, слез с лодки. Везде был помят кустарник, сломаны молодые деревья, земля взрыта копытами и сапогами. На спутанной траве ещё виднелись тёмные следы крови. Но ни трупов, никаких вещей вогул не обнаружил. Татары убрали всё. И здесь, садясь в лодку, вогул неожиданно увидел в светлой воде какое-то железо. Вытащил из воды - и удивился. Это было ружьё. Невдалеке он нашёл второе.

Так у вогула оказалось сразу два ружья, об этом он никому ничего не рассказывал.

В этом году, когда были купцы, он увидел у них аж три ружья, и сказал им, что у родственника тоже есть ружьё, да нет к нему пуль. Купцы за несколько шкурок горностаев оставили ему баночку чёрного пороха, около десятка пуль и столько же ещё пистонов (это медные, с серым веществом жёлтые кружочки, которые ложатся под курок. После удара курка по ним - воспламеняется порох). Вогул уже дважды стрелял в лосей - и оба раза удачно. Пули за двести шагов прошивали зверя насквозь. Не то что охота из лука на тридцать шагов, когда после первой стрелы раненый зверь уходил в лес и охотник преследовал его по снегу иногда два-три дня, посылая в лося еще с десятков стрел. И, как правило, добывал зверя копьём.

Вогул за полтора десятка собольих шкур уступил ружьё и дал три пули с порохом и капсюлями, завернутыми в толстую тряпицу. Ещё он добавил, что плыть Иртышом опасно, так как изгнанный русскими из своей столицы хан Кучум с татарами часто наведывается в эти края. Хотя постоянно хан теперь проживает где-то в Барабинских степях или рядом с ними, но по-прежнему продолжает нападать на русские отряды, которых за последнее время стало много. Правда, и раньше, десятки лет назад, появление русских отрядов по 20-30 человек никого не удивляло из местных жителей. Они всегда хорошо относились к русским людям.

ОСЕННИЕ ПЕРЕМЕНЫ

ОСЕННЕЕ НЕБО

В белой дымке осеннее утро.
Первым инеем росы легли
и, сверкая, искрят перламутром...
Первый холод дохнул от земли.
Чёрный тетерев ветку качает
и серёжки неспешно клюёт,

а над озером с криками чаек
золотистое солнце встаёт.
И лучи, растекаясь несмело,
красят алостью воду, камыш...
Ставлю сети - приятное дело.
Светят плёсы, и в воздухе - тишь!

БАБЬЕ ЛЕТО

Бабье лето!..
В рощах - просинь
с ярко-рыжею листвою!
Паутину вдаль уносит
свежий ветер озорной!
Ветви в красках - словно шали
дорогие на плечах!..
Две осинки размечтались,
осыпая лист в лучах.

ПЕРВАЯ ШУГА

Даль пожелтела, посветлела.
Свинцовый плёс, шугой шурша,
качает плот оледенелый...
Ознобом веет с Иртыша.
Скользят по ветру птичьи стаи,

и день, и ночь спешат на юг.
На жёлтых травах иней тает,
и холодно сверкает луг!

ПРЕДЗИМЬЕ

Неяркий лист осеннего ковра
ласкает шаг, уводит в перелески.

Речная заводь -
в бликах серебра!

Из кочкары бекас взлетает с треском.
Зигзагам и - всё выше, всё быстрее!..
Крикливый чибис над собакой вьётся.
В высоком небе - нити журавлей.
Под леденящим ветром ива гнётся.

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Снег, из низкой тучки выпадая,
хлопьями летит среди ветвей...
Кажется он - лебединой стаей,
если взгляд прищурить посылней!

НАЧАЛО ЛЕДОСТАВА

На песке - шуги наросты,
меж камнями - первый снег.
И его сгребает горстью
любопытный человек.
Рядом - первая синица
шустро шмыгает в ветвях...
Над рекою пар дымится,
словно вздох о летних днях.

Отдохнув, на другой день переселенцы продолжили своё плавание. Дед Василь, сидя в корме идущей впереди лодки, мучительно соображал: «Куда плыть, если на старых местах у бывшего Асгарда постоянно появляется с татарами хан Кучум, озлобленный теперь на всех и в первую очередь – на русских...».

Дед понимал, что сидящие рядом, ждут от него какого-то решения.

ВЫБОР СДЕЛАН

Наступили первые дни июня.

Пришло настоящее лето. Вечернее солнце подолгу зависало в небе, не желая никак уходить на покой. Длинными вечерами переселенцы рыбачили, варили уху и подолгу сидели у костров.

Вот и в этот день, медленно проплывая вдоль низкого правого берега, решили завернуть на узкую старицу, поросшую ивой с небольшим плёсом чистой воды. Только разожгли костер и поставили варить уху, как к ним подошли сразу двое молодых остяков из местных старожил. Весёлые, разговорчивые, они наперебой рассказывали о здешних местах, где живут их родители уже несколько поколений. Они нарисовали чёткую картину ближайшей территории. Дед Василь ещё с давних пор хорошо понимал язык татар, вогулов и остяков. И хотя прошло уже порядочно времени, он легко объяснялся с гостями, в то время как остальные русские сидели, открыв рты, догадываясь лишь по жестам разговаривающих, о чем шла речь. Да, где-то на завтра к вечеру лодки переселенцев подойдут к устью реки Ишим. Но остяки не советовали идти вверх по Ишиму, там на берегах повсюду полно живёт старожил. А вот по ходу дня через три будет река Оша. Она помельче, узенькая, почти не заселённая. Там есть прекрасные, ещё свободные места.

Дед Василь слушал остяков, а сам всё вспоминал Асгард, широкие поля и луга на берегах Иртыша, шумные берёзовые и осиновые рожи.

Налево, по движению, есть тоже несколько рек, впадающих в Иртыш, но там повсюду стоят аулы-юрты, вплоть до Барабинских степей.

ПРИБРЕЖНЫЕ РОЩИ

ПОСЛЕ ДОЖДЯ

Дождь бил в лицо с порывом ветра,
с небес катился грозный гул...
Возле берёзы встал под ветви.
День летний в сумрак потонул.
Прошли минуты.
Ливень схлынул,
скатились тучи за леса...
До блеска дождичек всё вымыл-
и капли всюду, как роса!
Вмиг солнце брызнуло лучами,
зацвёл и заискрился простор.
Очнулись птицы, закричали-
и в грудь мою вошёл восторг!..

ШУМ БЕРЁЗ

Ветра нет.
Но в тихой зорьке
слышу близкий шум берёз:
в нём - полны запах горький,
в нём - шептанье дальних звёзд.
В нём - все звуки пробужденья:
всплеск крыла дремавших птах,
капель росных вниз скольженье
и букашек первый страх...
Листья ото сна очнулись-
и лепечут, и поют.
Веточка слегка качнулась -
муравьи по ней ползут.
Тонко тенькнула синица,
сети вьёт свои паук...
Лёгкий пар внутри струится,
и скрипит засохший сук.

Я – ЧУЖОЙ

Я в лес вошёл - сплошная тишина.
Покачивает ветка мирно листья.
И лишь пчела передо мной одна
на маковке цветка нектар всё ищет.
Две-три минуты длилась немота,

Обманчивая - лес очнулся, ожил :
Крик птичий, шорох с каждого куста...
Да, я - чужой здесь,
а точней – прохожий.

ЛИК ПРИРОДЫ

Смотрю любовно в лик Природы.
Рождаясь, яркая заря
сквозь ночь таинственно восходит
с призывной песней глухаря...
День проступает, в струйном свете
поляна нежит васильки.
Вот резеда и горлицы
раскрыли к солнцу лепестки.
Пичуга свищет в перелеске,
над полем жаворонка трель,
вновь чибис надо мною резко
кричит...
И длится вечность день!
Но к ночи шум и гам стихает,
немеет мрачный небосклон.
Вошла луна...
Дышу - стихами.
Земля чудесный видит сон.

ОСЕННИЕ ДНИ

В поднебесье синем
вызревает иней,
клич плывёт гусиный
с белым пухом зимним!
На озёрах клекот
лебединой стаи,
паутины блеклые
на шестах мелькают.
А на малом плёсе-
лёд, во льду – подранки.
И кричит мне слёзно
выпить на зорьке ранней...

.....

Еще через день лодки переселенцев миновали устье реки Ишим, даже не заходя в её воды, так как там виднелись лодки рыбаков. Проплыв вперёд, через два дня слева по ходу, перед вечерним привалом, увидели на высоком берегу всадников. Отряд из 15- 20 человек, не торопясь, скакал в сторону Асгарда. Четко различалась татарская одежда.

На следующий день около десятка всадников кружили опять слева, а лодки русских шли близ правого берега, и опасности никакой не предвиделось, хотя тревожное чувство закрадывалось в душу каждого. Но вот и устье Оши: большой разлив, роща у берега на небольшом возвышении. Точно так, как рассказывали остяки.

РЕЧКА ОША

Вода на разливе искрилась, переливаясь солнечными бликами до самого горизонта.

С каким-то внутренним облегчением все поняли, что это те места, куда они плыли столько трудных дней. Лица повеселели, движения гребцов усилились. Лодки быстро пошли по узкой, но глубокой реке. Проплыв километра три, выбрали на берегу высокое место с берёзовой роцей и уверенно причалили.

На краю берёзовой роцы, под раскинутыми ветвями устроили маленький шалаши. На мягкой траве, нагретой солнечными лучами, прыгали кузнечики. Вверху в ветках трезвонили птицы. Было тепло, солнечно и приятно, и какое-то спокойствие овладело всеми людьми. Раскинув руки, лежали на спине рядышком братья Глеб и Борис, Марфа собирала с Катериной цветы, а Фёдор всё спрашивал своего деда про Асгард, зная, что тому всегда приятно вспоминать те годы.

Отдохнув денёк, переселенцы тронулись в путь. Берега в основном были пустынные, лишь изредка попадались зимовья возулов или остяков. Да за три дня на высоких холмах они видели всего дважды по 2-3 юрты татар. Аулов не встретили ни одного.

К вечеру четвёртого дня они выплыли к большому разливу реки, за которым виднелась высокая грива. На пятый день подплыли к увалу, за которым вдруг открылось громадное озеро. Река прямой светлой нитью уходила в это море воды.

Дед Василь, немного поразмыслив, направил свою лодку по небольшому ручью через плотный ивовый лес. Неожиданно переселенцы выплыли снова на большое озеро, чуть меньше первого. Борис восхищённо вымолвил:

- *Господи, это же край озёр! Какая красотища!..*
- *Да, столько воды кругом, а вокруг сухие высокие места, - поддакнул Глеб.*

Переселенцы полюбовались на озеро, и повернули свои лодки к высокой гриве. Проплыли немного и увидели чуть дальше две татарские юрты.

- Надо же такому быть, и здесь татары. Заняли наши места, - полушутя, полусерьёзно проворчал уже Фёдор.

Пришлось свернуть направо, и по протоке выплыть на следующее озеро. И здесь также на взгорке стояла одинокая юрта. Переселенцы, не унывая, двинулись через озеро к протоке, которая вела через болото в сторону Севера.

Вот так-то. Всё время по Иртышу плыли на юг, повернули вправо по Оше на запад, а теперь по трём озерам изменили путь на Север.

Выехали на озеро, на котором подряд росли камышовые острова. Проплывая меж них, Фёдор точно определил суть озера, назвав его «Дикое».

Пересекли его, и лодки попали снова на узкую речушку. По ней проплыли еще 2-3 километра. По берегам росли осиновые и берёзовые роцы, а между ними изредка зеленели островки соснового леса.

- *Чудо природы и только, - не унимался дед Василь.*
- *Пора бы и стоянку выбирать, - не вытерпел Фёдор.*

Лодки выплыли на очередное небольшое глубокое озеро и воткнулись в прибрежный лес.

- Вот теперь-то приехали, дальше плыть некуда, - весело заявила молчаливая до сих пор Катерина. Мужчины дружно рассмеялись, вытаскивая лодки на берег, на котором вольготно раскинулся берёзовый лес. На поляне цвело море всяких цветов. Марфа протянула к ним свои тонкие ручки и прошептала:

- *Какие вы хорошие, родные мои.*

Мужчины начали строить временные шалаши, Катерина быстро готовила уху, ведь в этот день даже не обедали.

РОДНАЯ ОША

СМОТРЮ Я С ОБРЫВА

Смотрю я с обрыва - до дна вся видна!

А струйка ключа холодна- холодна.

Мелькнёт то голяня, то карась золотой-
и всплеск разбежится весёлой волной.

Ах, Оша родная, моя ты душа,

как в летушко красное ты хороша!

Мальчишки, как свечки, с обрыва летят...

Ромашковый луг...

Стайки жёлтых цыплят...

Течёшь из Тениса в Иртыш, в океан,
лугами, полями - и в дождь, и в туман.

А ВЕЧЕР – ТИХ...

Трава у берега да ряска,
и холод в синей глубине...

А вечер тих, задумчив, ласков -
вновь вижу рыбок я на дне.

Карасики - все с золотинкой -
играют стайкой, мельтешат.
И пузырьки от губ икринками,
сорвавшись, вверх ко мне летят.
С мостков люблюсь этим чудом,
и золотистый видя свет,
вновь наполняюсь нежным чувством
к реке, которой лучше нет!..

ОМУТ

В нашей речке, не секрет,
не один есть омут...
Я люблю встречать рассвет
под обрывом тёмным.
В яме, где круговорот,
с голодухи щука
на блесну всегда берёт -
вот такая штука!

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Навстречу светлая излучина
блеснула в ивняке густом...

Звёзд близких россыпь- словно лучики,
в воде играют под кустом.
Постелью стелется волнистою
осока.
И над ней – туман...
Как покрывало светло-чистое,
волной течёт к моим ногам!

Я - СЧАСТЛИВЫЙ !

Туманным рукавом накрыта
в мерцающей заре река,
лучи просеивают в сите
оранжевые облака.
Невыразимо сладкий запах
над лугом плавает в тиши...
Вот чибис у ручья заплакал...
Вслед всполошились крякаши...
И куличок, взлетев с обрыва,
кричит отчаянно, навзрыд...
А я стою - такой счастливый,
тревог не зная и обид.

Прошло два дня.

И хотя на ладонях ныли мозоли и болели плечи, мужчины уже начали заготовку брёвен для будущих изб. Местное озерко, хотя и маленькое, кишело рыбой. Правда, в основном, был один карась да голяяны, но проблемы с ухой не было.

- Назовём наше поселение по имени – « Заозёрное», - предложил за обедом дед Василь.

Всё согласились, у всех было хорошее настроение. Постоянные шутки и смех поддерживали высокий жизненный тонус. Заканчивался июнь, в траве краснела клубника, и Марфа с ведёрком целыми днями собирала ягоды. Из них делали лепёшки, которые сушили к зиме. Катерина собирала лечебные травы, находила первые грибы и исправно готовила обеды. Жизнь пошла обычным чередом, но что-то новое ,приятное постоянно ощущалось во всём.

РУССКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ - МЫС

Особенно приятны бывали летние вечера,- тихие, тёплые, с многоголосым птичьим пением.

К осени стояли уже две избы. Одна для семьи Бориса с женой и дочкой, вторая - для остальных мужчин. Глеб поначалу хотел ставить избу себе отдельно, но решил сделать это на следующее лето.

Фёдор любовно ухаживал за ружьём, доставая его из тряпиц, протирая ствол и курок. Нетерпеливо ждал первого снега, чтобы застрелить лося. Их в здешних лесах было полно. По трое – пятеро они выходили на поляну, паслись, не обращая внимания на людей.

В начале сентября неожиданно похолодало, и в одно утро, проснувшись, Фёдор увидел за окном на поляне снег. Встал, быстро оделся и, взяв ружье, отправился в ближайший рямок (небольшой лес из молодых сосенок). В нём обычно отдыхали ночью лосиные семьи. Так и получилось. Только встал Фёдор на краю рямка, зарядил ружьё пулей, как через некоторое время из него вышли три лося. Самец- рогач, самка и лосёнок. Фёдор тщательно прицелился идущему впереди рогачу под лопатку и нажал на спуск. Громыхнул выстрел, да так, что у охотника в ушах всё зашумело. Лось дёрнулся, откинул рога к спине и упал. Но здесь же вскочил и бросился вслед убегающим самке и лосёнку. На выстрел прибежали Глеб и Борис. Федор подошел к месту, где падал лось, рассматривая большую лужу крови, оставленную раненым зверем. Подоспевшие Глеб и Борис, спросили у Фёдора, что делать дальше. Тот предложил взять им самодельные вилы и копые, а сам перезарядил ружье, и все отправились по следам лосей. Только зашли в лес, как сразу обнаружили мёртвого зверя.

- Вот почему я ждал снега, - сказал Фёдор, - Звери, раненые, часто убегают сгоряча и где-то падают. А найти их легче всего по следу на снегу.

Несколько дней у поселенцев был настоящий праздник. Из свежего мяса готовили разные блюда и ели - кто сколько хотел.

Пришла зима. Фёдор по глубокому снегу застрелил ещё одного лося, и мяса хватило до конца зимы. А весной главной едой всегда была уха.

Как-то по весне Глеб на рыбалке на большом озере встретил неожиданно русского, который пригласил его с собой в свой посёлок. Вот уж никто бы никогда не поверил, что он – рядом. За лесом, на краю огромного озера, на стыке со вторым озером, на мысу (потому посёлок и назывался - Мыс) стояло 12 изб, где проживали семьи русских. Их предки появились здесь ещё более века назад, у них сменилось два поколения. И вот, они с радостью встречают здесь Глеба – незнакомого русского человека. Особенно приветлив был их староста, дед Прохор.

Через несколько дней Борис и Фёдор опять были у них гостями и пригласили к себе. И началось: то одни, то другие плыли в гости к своим родичам. В результате общения Фёдор и Глеб нашли в Мысу себе невест и поженились. Породнились по-настоящему.

В КРАЮ ОЗЁР

БАТЮШКА ТЕНИС

На закат проплыли облака.
Розовато-жёлтые в середине,
дымчатые по бокам слегка-
там, за горизонтом, словно сгнули.
Горизонт тот - небо и вода,
что соединились тонкой линией.
Входят облака, как в невода,
тонут в необъятном море синем.
Озеро, мой батюшка Тенис!
Ты не в первый раз являешь сказку...
Догорел закат, мрачнеет высь,
Тьма свои права диктует властно.

БЕССОННИЦА

Над озером - огромная луна,
поблескивают лодки на приколе.
Вокруг кусты, камыш и – тишина...
Я слышу лай собачий в дальнем поле.
Костёр погас.
С надрывами храпит
напарник мой, уставший на болоте...
Луна так низко над водой висит-
видны мне камышинки с позолотой.

ВМЁРЗШИЕ СЕТИ

Покрылись льдом
камышовые плёсы,
и первым снежком
ветер иней разносит.
И чаек не слышно,
и утки не кричат...
Ночь холодом дышит
на лоб мой горячий.
На плёсе, раздетый,
веслом лёд долбал
и вмёрзшие сети
весь день добывал.

ПАИСЫЧ

Угрюма тёмная вода
под низкой крышей снежной тучи,
на камышинке в серьге льда
высвечивает лучик!
Вызванивают камыши
далёкий посвист злой метели,
и лишь красавцы-крякаши
на юг ещё не отлетели.
Да стайка белогрудых птиц
ныряет в ледяную воду,
похожих чем-то на синиц,
несущих снежную погоду.
...Светлеет тёмная вода,
в себя снежинки погружая.
Пустынно озеро...
Едва
вдали я берег различаю.
Кряжист Паисыч- экий хват,
долблёнку впереди толкая,
бросает мне весёлый взгляд-
его я понимаю!
Он стар, и звоны камыша
ему любимей песни!
Последний выезд...
Не спеша,
веслом просторы крестит.
Бормочет что-то про себя,
не верующий в бога,
и я, ещё нежней любя
его, отстал немного.
Пусть поколдует, поворчит
на снежную погоду...
Придётся ль вёсла намочить
ещё через полгода!?

ИЗМЕНЧИВЫЕ ГОДЫ

Прошло около десятка лет. Подросшая Марфа вышла замуж и переехала к жениху на Мыс. У Фёдора и Глеба в семьях появились кучи детей. Родственники из поселка Мыс привезли им для детей корову, две козы, десяток кур и соты с мёдом. Ещё помогли высеять пшеницу, насадить несколько грядок с овощами и луком. У них оказалось два ружья и много боеприпасов. Так что вопрос для Фёдора, где взять порох и пули, был решен.

ЖИЗНЬ В ЗАОЗЕРЬЕ

Ещё Фёдор взял на Мысах у одного охотника двух щенков из породы Сибирских лаек. Подвижные, сильные, они много бегали и громко лаяли на большой поляне. Лаяли на птиц, на домашний скот, на близкий лес. Вскоре их уже брали на охоту.

Новые родственники настаивали на переезде всех в Мыс, но дед Василь, будучи уже в преклонных годах, почему-то этому воспротивился. Почему? На это ответить, наверное, не мог даже и он. Видимо, не хотел по старости, а может, ещё что-то сердцем чувствовал. Да и Фёдор, Глеб, Борис – все из большого уважения к нему отказывались от предложения родственников.

Как бы там ни было, жизнь в Заозёрном нравилась, и никто не торопился с переездом, хотя неизбежность этого в скором будущем понимали все. Дело было только во времени.

Бесспорно, места здесь были более красивее, чем на Мысу. И вольготнее, и спокойнее. Всем нравилась беспредельность лесов, обилие ягод и грибов. Нравилась и полная независимость от кого-либо или чего-либо. Но, конечно же, главной причиной было нежелание деда Василя.

Через год он умер, и сразу что-то вокруг опустело, изменилось. По-другому стало видеться и дышаться, исчезла беспечная весёлость. Жизнь словно посуровела.

ЛЮБИМЫЕ ПЕРЕЛЕСКИ

ЛЕСОСТЕПЬ

Здесь - осины, там - берёзы.
Синь поляны меж лесов.
Остывает отсвет розовый
летящих облаков.
Островками перелески...
Лесостепь -
мой край прелестный!

ЛИСТОК

Меж кустов, где пахнет тмином,
сети натянул паук.
В них попал листок осины
и качается: «тук-тук».
На листке, в прожилках красных
точки, знаки - шрифт лесной...
Словно строчки о прекрасной
стороне моей родной!

ЗАОЗЕРЬЕ

Под липким вихрем листопада
среди налетевшей полумглы,
уже не дождь - дробинки града
стучат о лодку и стволы.
Волна встаёт и с пеной бьётся
в мой островок...

Накинув плащ,

сизу, притих. А сердце - рвётся
за вихрем ввысь.
Тоска, хоть плачь...
Ещё немного - свечереет,
и длинная настанет ночь.
...Никто меня не обогреет,
никто не в силах мне помочь.

ОХОТНИЧЬЯ ТРОПА

Закат догорает...
Я слушаю звуки
лесные в сосновом бору.
Иголки мне тычутся в тёплые руки,
я шишки в ладони беру.
Как пахнет смолою, озоном и мхами-
как дышится грудью легко!
Сажусь на пенёк, в полутьме отдыхаю-
идти мне ещё далеко.
В медвежьем логу у затерянной речки
избушка давно меня ждёт,
и там из трубы
дым струится колечком -
охотник Федулыч чай пьёт.

Случайно заглянувшие в Мыс купцы рассказали, что уже более десятка лет назад на реке Иртыш русские построили город – крепость Тару, и там размещается большой военный гарнизон. И теперь безопаснее стало ездить им, купцам, по Прииртышью. И всё-таки появились недавно слухи, что с юга снова пришли кочевые племена из Джунгарского царства и опять начали во время набегов беспощадно уничтожать мечом и огнём всё местное население. Это те же джунгары, что век тому назад напали и разрушили до основания город Асгард, а ныне они же захватили месторождения соли на Ямышевских озёрах и держат в страхе всех, кто пытается добраться до бесценных залежей.

СТРАШНЫЙ ДЕНЬ

После полудня от озёра прибежал запыхавшийся четырнадцатилетний сын Марфы.

Миша, так звали паренька, со слезами на глазах сообщил страшную весть: на Мыс напали кочевники, на конях с саблями и копьями, всех порубили и подожгли дома. Ему чудом удалось спастись, он убежал и спрятался в камыше на озере. Там стояла его лодка, он сел и, крадучись, уплыл от посёлка. И вот теперь у них.

Фёдор схватил своё ружье, все мужчины, находившиеся в пяти избах, кто с топором, кто с вилами побежали к лодкам, сели в них и начали спешно грести в сторону Мыса.

Приплыли, а над посёлком плавал только редкий дым, кое-где догорали брёвна пристроек. Изрубленные саблями, исколотые копьями, люди лежали в самых разных позах. Староста-дед Прохор, был обезглавлен. Многие погибшие лежали безоружными. И только у одного был в руках берёзовый кол, у второго – топор. Нашли полуживую девочку с раной на голове, укрывшуюся под мёртвой матерью. Долго собирали тела погибших, копали общую могилу, хоронили. Несколько раз обошли ближайший лес с надеждой найти кого-нибудь там. Ведь среди трупов не обнаружили ещё двух женщин. Наверное, джунгары увезли их с собой.

Поздно вечером все вернулись в Заозёрное.

МОРОЗНЫЕ УЗОРЫ

ЗИМНЕЕ УТРО

Крик вороний - простуженный, злой,
просыпается в зимней роще,
выплывая из дымки седой,
кружит в небе, на зимушку ропщет.
Вижу я: на реке - полынья,
над водой - облако воронья.

ЗАВЬЮЖЕННЫЙ ЛЕС

Меня окружает завьюженный лес,
и лыжная змейка по снегу
ведёт меня зимнею сказкой чудес
в сугробы серебряной неги.
Куда ни помотришь - искрит белизна,
знобящая свежесть простора,
а в ней чистоты неземной глубина...
И всё же душа с чем-то в споре.

ЗИМНИК

Через озеро, болотом
едем в санях мы по льду,
едем в согру на охоту.
Конь трусит так неохотно...
А в снежинке, словно в льдинке,
свет, похожий на звезду!

ЗИМНИЙ РЯМ

Прохладно и зелено в мягком ряму...
Рой снежинок затеял с утра кутерьму:
меж верхушек скользит,
в ветках лепит снежки,
прячет алую клюкву под снегом в тиши.
На заимку охотник тропой спешит,
впереди его весело лайка бежит.
Молодеет лицо старика, и глаза
заискрились от снега...
В ресницах - слеза!

ДЕД СОФЕТ

Дед Софет - охотник знатный
и сноровкой, и умом.
Знают все в Старосолдатке
на заимке его дом.
Вся охота - за Буслами.
И тех мест он – старожил.
Зверя, птицу промышляя,
он капкан мне подарил.
На охоту взял с собою,
я полынью тёр капкан.
Утром встал, а он – с лисою!..
Так охотником стал сам.

Несколько лет подряд после того ужасного дня Фёдор с заряженным ружьём частенько приплывал на место бывшего посёлка Мыс, заросшего крапивою и высокой травой. С собою неизменно брал сына Михаила, выросшего в здорового парня.

Вечерами в долгих разговорах вспоминали добрым словом деда Василя, не давшего им согласия на переезд в Мыс. Наверное, чуяло сердце что-то недоброе и оберегло родных ему людей от гибели.

... Прошло ещё около десятка лет. Малые дети Фёдора выросли, поженились, имели уже свои большие семьи. А Фёдор, на удивление всем, потеряв счет своим годам, еще шустро двигался, ездил на рыбалку...

Жизнь продолжалась, невзирая ни на какие неурядицы и препятствия. Само Заозёрное расширилось, расстроилось. Насчитывалось уже четырнадцать домов.

Негаданно-нежданно к ним объявились как-то под осень гости - двое русских охотников издалека. И поведали: два года назад на берегах Иртыша и Оми, на месте слияния рек, русские построили крепость Омск, которая призвана охранять все прилегающие земли, включая и их Заозёрное...

Слушая их, престарелый Фёдор в конце разговора подытожил:

- Добрые вести говорите, добрые дела делаете, а настанет худое время - и всё может круто измениться. Ведь построили когда-то крепость Тару и объявили, что наконец-то русские люди получают защиту. Не получилось. Джунгары истребили всех наших сородичей на Мысу. А как будет далее, не всё ясно...

Охотники посмеялись над дедом, налили ему чарку и угостили напитком, который дед в своей жизни ещё ни разу не пробовал. Очень понравилась деду Фёдору «русская водка».

ПЕРВЫЕ РУССКИЕ ДЕРЕВНИ

Охотники уплыли, и о них стали уже забывать.

Прошло ещё три года. Умер дед Фёдор, и его похоронили на берегу озера, у одиноко стоящей берёзы, под которой так любил он сиживать летними вечерами.

Сыновья деда Федул и Абрам унаследовали от него большую страсть к охоте, поочерёдно отстреливая из ружья большерогих лосей.

Как-то на весенней рыбалке на большом озере Федулу повстречались два русских рыбака. Невдалеке две татарские юрты по-прежнему стояли на высоком холме, и Федул посчитал издалека, что две человеческие фигуры в лодках - это татары. Но ошибся.

Рыбаки подплыли, показали больших рыб, добытых ими на самоловы, поинтересовались: из какой он деревни. Узнав, что он живёт в отдельном поселении- городище, не поверили. Федул в свою очередь поинтересовался: а что это за название- «деревня».

Рыбаки посмеялись над ним и поняли, что перед ними действительно человек с хутора. И объяснили ему: «деревня» - это то же поселение или городище, только большое, и обязательно дома срублены из деревьев. «Дерево - деревянное- деревня». Показали на юрты и добавили: у татар поселение называется - «татарские аулы» или «татарские юрты».

Расставаясь с Федулом, рыбаки пригласили его в гости, пояснив, что к ним надо плыть из этого озера по реке Оша, вниз по течению. А деревня их называется - Кумыра. Кумырский форпост.

ДЕРЕВЕНСКИЕ ПРОСТОРЫ

ДЕРЕВЕНСКОЕ УТРО

Луна да снег.

Вдоль речки избы дремлют.

Как выстрелы, потрескивает лёд.

Прояснило.

Дым вьётся над деревней.

Собачий лай... и говор... скрип ворот...

В сугробах лунных меркнут полутени.

Сгорают в небе бледная звезда.

Вот первая сорока пролетела...

И стук пшени -

и звон кусочков льда...

ОКОЛИЦА

Улица заречная

уходит краем в лес.

Дым из труб - колечками.

Ночью тихо здесь.

Чутко спит околица

в сумраке берёз...

Небо, словно молится,

мигая сотней звёзд!

ПАЛИСАДНИК

Если кто-то ветку садит
возле дома, под окном-
значит: будет палисадник
со цветами и кустом...
И акацией, сиренью
расцветёт рассвет весенний!

СТРАННАЯ ЛУНА

В небе меж тучками вышла луна
и осветила речушку до дна.
Белые рыбки в глуби скользят.
Блеклые травы задумчиво спят.
Грустные листья поникших берёз
в капельках светлых мерцающих рос...
Снежные совы к поляне летят,
белые мыши у норки сидят.
В белой, обманной, одежде я сам...
Ах, белизна - даже больно глазам!

НА БЕРЕГУ ОЗЕРА

Однооконная изба
на берегу у озера
меня неожиданно сберегла

от сумрака морозного.
Трещал в печи огонь слегка,
и лампа чуть светила.
И рысья шкура с потолка
свисала и искрилась.
Мерцало на стене ружьё
с надтреснутым прикладом,
и дед мне про своё житьё
рассказывал с усладой.
Про птиц... и рыбу... и зверей...
И, в общем, о судьбе своей!

РАННЯЯ ЗВЕЗДА

В просторе гаснет ясный день,
и, растворяясь, облака
в закатную уходят тень...
Слежу, задумавшись слегка.
Восходит ранняя звезда!
И я, когда-нибудь
уйду в иной мир навсегда,
испытывая грусть:
Что не смогу, как звёздный свет,
послать на землю свой привет!..

Через несколько лет, также весной на рыбалке, Абрам на озере Дикое повстречал одного рыбака, русского молодого парня. Поговорили: кто, откуда?.. Как рыбалка?..

Абрам сказал, что они живут в отдельном хуторе, а парень показал рукой на север, за высокий лес, и неожиданно для Абрама, добавил:

- А я живу недалеко, в деревне Островная. Она недавно заселена приезжими русскими из Суздаля, а мы с отцом сюда попали из Тобольска. Хотели поселиться в Омске, потом раздумали. Приехали в Тюкалинскую слободу, она отсюда вёрст пятьдесят будет. А мужики из Островной закупили муку и сманули нас за собой.

Еще рыбак добавил, что прямо перед деревней у них огромное жилое озеро, а сюда он приплыл по протокам, они здесь есть везде в весеннее половодье. Сейчас их деревня окружена сплошным кольцом воды, потому и называется - Островная.

Абрам слушал его и думал: какая же всё-таки интересная жизнь, сколько всего на белом свете. А вот они в своём Заозёрном мало чего знают. Правильно ли это?..

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ФАМИЛИИ

На следующий год весной Федул и Абрам с двумя взрослыми сыновьями на двух лодках поплыли в Островную. Абрам шутил:

- Едем в гости, невест высматривать. Да и для дочерей женихов поищем.

В этих словах была суцая правда. Ведь в Заозёрном проживало более тридцати родственных душ, и иногда трудно было сыскать невесту или жениха.

Приплыли в Островную, походили по дворам, пообщались и даже сразу кое с кем подружились. Один молодой охотник согласился сопроводить их до Кумыры. И там их встретили хлебом-солью. Такое дружеское уважения оказывали им когда-то только на Мысу.

И уже без шуток, на полном серьёзе объявились женихи и невесты, и пошли одна за другой счастливые свадьбы. Немного позднее породнились даже с семьями из Тюкалинска.

Правда, вышел конфуз. В Заозёрном все имели имена, но без фамилий, так как их и не было никогда у предков. Встал вопрос: как быть? Ведь официальные дела без этого в волости или уезде не решались. Федул и Абрам, собрав всех взрослых, посоветовались и предложили фамилию, которую ещё когда-то придумал дед Василь для своих внуков, называя их ласково: «Зень-Зень». Дело

в том, что вокруг домов в берёзовой роще было полно синиц, которые с утра до сумерек щебетали одно и то же: «Зень-Зень, Зень-Зень...».

Внуки, вторя птичкам, передразнивая их, а может, по-дружески подстраиваясь под их голоса, часто говорили деду: «Зень-Зень, Зень-Зень». Дед Василь потому их называл: «мои Зень-зеняты».

А когда на свадьбах в Мысе произносились фамилии, то всех из Заозёрного произвольно стали называть - Зензиными. И дед Василь был очень горд этой фамилией. На предложение Абрама и Федула о том, чтобы все люди из Заозёрного имели одну и ту же родственную фамилию - Зензины, все согласились. А иначе, наверное, и не могло быть.

ОХОТНИЧЬЕ НАСЛЕДИЕ

ДРЕВНЯЯ СТРАСТЬ

Снег тёплый кружит над жнивьём,
светлеет день в холодной дымке.

Охотник смотрит на ружье
и шепчет:

«Мне бы на заимку.

По первопутку потропить
ещё непуганого зверя,

ловушки вновь насторожить
и окуней в реке проверить...».

Но стар и глух он, как зима.

С седой, дремучей бородой,
в ушанке и больших пимах,
глядит в окно с тоскою...

ХУТОР

На отшибе, за лесами
есть избушка, скотный двор...

Нелюдимый дед Исаич
проживает с давних пор.

Семь коров, телки, барашки.

У ворот - пёс с рыком страшным.

ДРЕВНЕЕ РЕМЕСЛО

Из прутьев ивовых мордушку
я с дедом у реки плету.

Он - в обод сверху,
словно в ушко,
вставляет прут - я снизу жду.
Веду дорожкой обводною,
и прутья мягкие, как жгут,
сверкая влажной белизною,
за кругом круг бегут, бегут...

ДЕД МИТРОФАН

В щель сарая влез хорёк,
и зверюшке невдомёк,
что охотник - дед сердитый
в дверь капкан установил,
натянул две сетки скрытно...
Кур пропавших не забыл.

УВАЛ

С детства я тебя познал:
лес на склонах, травы.
Возвышался ты, увал
гривой величавой!
В согре, под горой – смородина -
запах чудный, запах Родины!

Так получилось, что со временем вся молодёжь поразъехалась по соседним деревням. В Заозёрном остались одни старики. Доживая свой век, они не хотели уезжать из красивейших мест, где прошла вся их жизнь. Да и молодёжь по- своему была права. Им хотелось широкого общения, больше видеть и знать

Вот и сыновья Абрама и Федула, приглядев невест в селе Старосолдатка, переехали туда из Островной, оставив родные семьи. Сынов звали - Ермолай и Андрон, прожили они долгую жизнь, обзавелись большими семьями и не забывали своих родителей. И в честь их назвали двух своих мальчиков - Абрамом и Федулом.

МОИ ПРАДЕДЫ

С самого детства Абрам и Федул были неразлучною парой, но, став юношами, неожиданно расстались.

Недалеке от Старосолдатки, на Тюкалинск и далее проходил почтовый тракт, по которому из центра России в Сибирь гнали по этапу ссыльных. Вместе с ними шагали и вольные переселенцы. Порою трудно было разобраться в этой разношерстной толпе, но Федул встретил в ней какую-то девушку, всего день пообщался и ушёл в её колонне, не предупредив о том даже родителей. Так и исчез Федул навсегда в неизвестности.

Абрам был крепким хозяином, работающим и сильным, но жена его Федотья часто прихварывала, и потому был у них в семье лишь один сын - Павел. Всегда рядом с отцом, помогая во всех хозяйских делах, он находил время и на охоту, которую любил самозабвенно.

ВОЛШЕБНЫЕ СИЛЫ

В НЕНАСТЬЕ

Мчатся тучи, вьются клубом.
И высокий березняк
ветви раскачал, как чубы...
На опушке - полумрак.
Там, в вершинах,
так дремуче
ветры стонут и поют...
Тайной музыкой могучей
наполняют мой приют.

ОХОТНИЧЬИ СНЫ

Набродившись по болоту,
я в солому заберусь
и, уставший от охоты,
в сладкий сон враз погружусь.
Под ночным прохладным небом,
как в постели пуховой,
запах трав, цветов и хлеба
будет плыть над головой...
Коростеля грусть седая
и совы разбойный крик,
сны мои переплетая,
в сказку унесут на миг!

ЛЕСНАЯ ТИШИНА

Ночная тишь...
Лесная тишь...
Не понимаю:
спишь, не спишь?..
Звенит струна,
поёт струна

с названьем чудным:

- ТИШИНА.

НОЧЬЮ НА ЗАИМКЕ

Гром разразился майской ночью.
И долго длился страшный гул .
Он с перекатами так мощно
лес сотрясал и в тьме тонул.
Грозу я слушал, как впервые,
и, сжавшись весь,
не смел постичь
небесной силы позывные,
природы тайной дикий клич!

БОЖЕСТВО - ТЫ, СЛОВО

Кем я стану, как уйду
в мир иной, нездешний...
Может, звёздочкой взойду
над землёю грешной.
Может, птахой прилечу
из другой Вселенной,
или облачком промчусь
в небесах весенних...
Кем я стану?.. Дать ответ
сможет только время.
А пока - гори мой свет,
сердце верой грея!
И пускай строка, звеня,
дарит радость снова...
И скажу я, не тая:
Божество, ты - слово!!!

Ещё при жизни родителя – Абрама - Павел женился на местной девушке Афросинье, от которой родился сын Василий (мой отец). Вскоре она тяжело заболела и умерла. Павел долго жил холостяком, но после смерти матери пришлось жениться. Ведь в семье остались трое мужчин без женского досмотра. Новая жена Анна оказалась хорошей хозяйкой и заботливой матерью, но детей от неё Павел не заимел. И фамилия Зензин в лице моего отца, после того как деда раскулачили и выслали, оказалась в Старосолдатке единственной. Что-то не приходилось встречать её и в окрестных деревнях.